

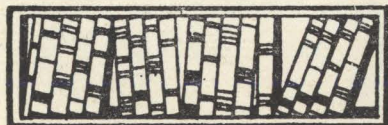
ТОВАРИЩИ КНИГОЛЮБЫ!

Книгу можно не только купить, но и приобрести по выигрышному билету Всероссийской книжной лотереи. Стоимость билета 25 копеек, а сумма выигрышей от 50 копеек до 5 рублей.

На каждые 200 билетов—69 выигрышных.

По выигрышному билету можно получить книгу или другие товары по своему выбору из ассортимента любого книжного магазина или киоска на территории РСФСР. Участвуйте в розыгрыше билетов Всероссийской книжной лотереи!

Дирекция Всероссийской книжной лотереи

№ 52

1980

Эрнест ХЕМИНГУЭЙ

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ПРАВДА»

В ЧЕРНОМ ЛЕСУ

Эрнест ХЕМИНГУЭЙ

В ЧЕРНОМ ЛЕСУ

*Перевод с английского
Виктора Погостина*

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1980

Эрнест ХЕМИНГУЭЙ

Эрнест Хемингуэй (1899—1961) — виднейший представитель литературы США XX века, лауреат Нобелевской премии 1954 года.

Родился в семье врача в г. Оак-Парк, неподалеку от Чикаго. Пройдя хорошую журналистскую и редакторскую школу, Хемингуэй вступил в литературу в середине 20-х годов сборником рассказов «В наше время». Широкую известность ему принес роман «И восходит солнце» (1928). Следующий роман, «Прощай, оружие!» (1929), окончательно определил место Хемингуэя в литературе США. Он был знаменитым охотником и рыболовом, страстно любил природу, много путешествовал по земным континентам, многое испытал. Навсегда полюбивший Испанию и ее народ, Хемингуэй во время гражданской войны в Испании оказывал всяческую поддержку республиканцам. Пребывание в Испании благотворно сказалось на творчестве писателя. Главный итог испанского периода — роман «По ком звонит колокол» (1940). В Испании же в 1937 году Хемингуэй завершил свой роман «Иметь и не иметь», ставший весьма важным этапом творческой эволюции писателя.

Участник двух мировых войн, получивший несколько тяжелых ранений, Хемингуэй во всем своем творчестве выступает ярким противником войны. Последняя прижизненная книга Хемингуэя, повесть «Старик и море» (1952), — это своего рода творческое завещание писателя: «Человека можно уничтожить, но его нельзя победить». В Советском Союзе опубликованы все наиболее значительные произведения Хемингуэя, издавались двух- и четырехтомные собрания сочинений писателя, а также опубликованные посмертно книги «Праздник, который всегда с тобой», «Острова в океане», «Вечные воды», «Лев мисс Мэри». Предлагаемая вниманию читателя книга «В Черном лесу» знакомит с менее известной стороной творчества Хемингуэя — его репортажами и фельетонами.

ХЕМИНГУЭИ — ЖУРНАЛИСТ

В июле 1979 года мировая общественность отмечала 80 лет со дня рождения одного из крупнейших зарубежных писателей XX столетия — Эрнеста Хемингуэя.

Эрнест Миллер Хемингуэй не нуждается в представлении советскому читателю, он давно и заслуженно признан во всем мире как серьезный и искусный мастер художественной прозы. Однако возможно, что многие читатели, любящие Хемингуэя-писателя, недостаточно хорошо знакомы с Хемингуэем-журналистом, оставившим после себя богатое публицистическое наследие. Изучение этого наследия помогает нам осмыслить глубинные подтексты его произведений, противоречивые мотивы и идеи, лежащие в их основе, проникнуть в творческую лабораторию писателя.

Американские критики, продолжающие, как отмечал известный советский литературовед Я. Н. Засурский, «нападки на творчество замечательного писателя», так как им прежде всего «не нравятся идеи, которые заложены в его творчестве», почти не уделяют внимания журналистским и публицистическим работам Хемингуэя, несмотря на то, что они составляют примерно треть всех произведений писателя.

В одном из своих последних журналистских произведений — документальной повести «Лев мисс Мэри», опубликованной после смерти писателя его женой, — сам Хемингуэй дал поразительно точную оценку нападавшим на него буржуазным критикам. «За последнее время, — писал он, — я с отвращением прочел различные книги о себе самом, написанные людьми, которые все-то знают о моей внутренней жизни, стремлениях и мотивах. Читать их — все равно, что читать рассказ о сражении, в котором ты участвовал, написанный кем-то, кто не только не был очевидцем, но порой и родился-то уже после того, как сражение закончилось. Люди эти, написавшие как о моей внутренней, так и внешней жизни, исходили из твердого убеждения, что я никогда ничего не чувствовал».

Э. Хемингуэй двойственно относился к журналистике, нередко настаивал на разграничении его писательского и журналистского труда. Еще в 1931 году он писал своему первому библиографу Луису Генри Кону, что он против того, чтобы «наспех» написанные репортажи и статьи учитывались при оценке его творчества в целом: «Если, осваивая профессию, писателю пришлось зарабатывать на жизнь журналистским трудом, писать вещи, которые рассчитаны скорее на короткую газетную жизнь, чем на литературное бессмертие, то никто не имеет права поднимать этот материал и сравнивать его с произведениями, написанными писателем в его лучшей манере».

Хемингуэй также опасался, что, заставляя писателя заботиться больше о «текучке», чем о непреходящем характере написанных им вещей, журналистика может привести к поверхностной, скороспелой оценке событий. В 1959 году, отвечая на вопросы еженедельника «Зис уик», Хемингуэй говорил, что в газете он «научился писать о том, что произошло, не задаваясь вопросом почему».

Наконец, по мнению писателя, репортажи и статьи отнимали у него не только жизненный материал, но и энергию, необходимую ему для «серьезной» литературной работы. Так, в 1922 году он писал из Парижа своему другу, писателю Шервуду Андерсону: «...эта проклятая газетная писанина постепенно опустошает меня».

И все-таки, несмотря на столь веские, как казалось писателю, причины сетовать на журналистику, он не только посвятил значительную часть своей жизни журналистской деятельности, но впоследствии даже советовал начинающим литераторам непременно пройти репортерскую школу. В интервью, данном весной 1958 года журналу «Пэрис ревью», Хемингуэй говорил: «В газете нас заставляли писать простыми повествовательными предложениями. Это полезно для любого автора. Работа в газете не повредит молодому писателю и может сослужить ему полезную службу...»

Постепенно Хемингуэй пришел к выводу, что граница между хорошим, правдивым репортажем и рассказом незначительна. При сопоставлении статей, репортажей и журналистских зарисовок Хемингуэя с его рассказами и повестями мы обнаруживаем, что писатель не только постоянно черпал из своей журналистской кладовой точные фразы, мысли, образы и сюжеты, но и нередко целиком переносил в повесть или рассказ наиболее удачные из своих репортажей, а иногда просто, поменяв заголовок, включал ту или иную статью в сборники рассказов. Так, опубликованная 18 мая 1927 года в журнале

«Нью рипаблик» статья «Италия, 1927 год» была включена в вышедший в октябре того же года сборник рассказов «Мужчины без женщин» под заголовком «Che Ti Dice La Patria?» (О чем говорит тебе родина? (итал.)).

Вопреки опасениям писателя использование собранных им материалов для журналистских работ не помешало их дальнейшему появлению в художественных произведениях. Наоборот, статьи и репортажи Хемингуэя стали своего рода испытательной лабораторией для многих его идей, сюжетов и фразеологических находок. Путевые зарисовки пейзажей, описания городов, интересные диалоги и технические приемы повествования впервые были освоены Хемингуэем в репортажах и публицистических работах.

Карьера Хемингуэя-журналиста началась задолго до его карьеры новеллиста, развивалась параллельно ей и продолжалась даже после того, как было опубликовано при его жизни последнее художественное произведение писателя. Еще в средней школе Эрнест Хемингуэй писал для школьных литературных изданий — газеты «Трапедия» и журнала «Скрижаль» — спортивные заметки и репортажи, подражая популярному в то время чикагскому журналисту Рингу Ларднеру.

Профессиональная журналистская деятельность Хемингуэя началась в октябре 1917 года, когда он был принят репортером в штат одной из крупнейших американских газет того времени, «Канзас-Сити стар». За семь месяцев работы в этой газете Хемингуэй получил основательную журналистскую подготовку, не уступающую той, которую могли предложить иные факультеты журналистики американских университетов. Именно за эти семь месяцев, как указывал Хемингуэй в интервью, опубликованном 26 ноября 1940 года в газете «Канзас-Сити таймс», он научился писать просто о простых вещах.

Первая профессиональная работа в крупной газете не только позволила Хемингуэю пройти «ускоренным курсом» школу писательского мастерства, но и помогла ему приобрести журналистские навыки, пригодившиеся позднее как в работе над художественными произведениями о первой мировой войне, так и в послевоенной журналистской деятельности в качестве специального, а затем и постоянного зарубежного корреспондента канадской газеты «Торонто дейли стар» и приложения к ней «Торонто стар уикли», а также в период гражданской войны в Испании, куда Хемингуэй приехал в 1937 году, заключив контракт с Североамериканским газетным объединением (НАНА).

Предлагаемые вниманию читателей очерки и фельетоны Эрнеста М. Хемингуэя относятся в основном к периоду 1920—

1923 г., когда Хемингуэй являлся корреспондентом канадской газеты сначала в Торонто, а затем в Европе. С некоторыми из них читатель уже мог познакомиться в таких периодических изданиях, как журнал «Огонек», «Журналист», «Литературная газета», «Литературная Россия» и «Неделя». О Хемингуэе — корреспонденте «Канзас-Сити стар» рассказывается в открывающих сборник воспоминаний друга Хемингуэя журналиста Теодора Брамбэка — «С Хемингуэем до романа «Прощай, оружие!»». Высмеивающий мещанские нравы торонтских буржуа фельетон «Картины переходят из рук в руки» — первый материал, опубликованный Хемингуэем в «Торонто стар уикли». Фельетон этот не был подписан, и его принадлежность перу Хемингуэя была установлена библиографами писателя по платежной ведомости газеты. Фельетон «Сказка о хорошем льве» был опубликован в журнале «Холлидей» значительно позднее, в марте 1951 года. Он явился своеобразным литературным ответом писателя на появившуюся 13 мая 1950 года в газете «Нью-Йоркер» статью Лилиан Росс «Портрет Хемингуэя», изображавшую его позером и демагогом. Сказка-фельетон была написана для детей венецианских друзей писателя. Однако один из персонажей — «львица с запекшейся на усах кровью» — выведен с явным намеком на автора тенденциозного «портрета» в газете «Нью-Йоркер». Заканчивают сборник два рассказа из серии новелл о литературном прототипе Хемингуэя Нике Адамсе, опубликованные спустя много лет после смерти писателя. Беллетризованное эссе «О писательстве» представляет собой один из вариантов окончания известного рассказа «На Биг-Ривер». Рассказ «Последнее хорошее место» — часть не законченной Хемингуэем повести о юношеских годах писателя, проведенных в лесах родного ему Северного Мичигана.

Виктор ПОГОСТИН

Теодор БРАМБЭК

**С ХЕМИНГУЭЕМ ДО РОМАНА
«ПРОЩАЙ, ОРУЖИЕ!»**

Что-то не ладилось с пишущей машинкой, по которой яростно колотил высокий темноволосый парень, сидевший за соседним столом. Каждая десятая буква выскакивала из строки. Похоже, его это не заботило. Он не обращал внимания, даже когда заклинивали две клавиши.

Отправившись в четвертый раз к холодильнику за водой, я остановился у него за спиной и стал смотреть. Это был мой первый день работы в качестве начинающего репортера «Канзас-Сити стар». Заведующий отделом городских новостей забыл о моем существовании. И мне оставалось только попить воду да постукивать себя по коленной чашечке, чтобы убедиться в правильности моих рефлексов.

Парень за соседним столом закончил статью, крикнул рассыльного и повернулся ко мне.

— Скверно напечатано, — сказал он, улыбаясь. — Стоит немного увлечься, и этот агрегат совершенно перестает слушаться. Иногда я сам с трудом разбираю написанное. Помощник редактора может вызвать меня через минуту для расшифровки. Они постоянно подшучивают надо мной, но все же печатают мой материал.

— Ваша мысль опережает пальцы.

— Похоже, что так. — Он поднялся, подошел ко мне и протянул руку.

— Меня зовут Хемингуэй, Эрнест Хемингуэй. А вы новенький, не так ли?

Так состоялось мое знакомство с человеком, который вскоре стал одним из величайших современных писателей. Мне бы, конечно, хотелось похвастаться, что я сразу разгадал в нем талант. Но я не разгадал. Во всяком случае, это произошло не сразу. Поначалу он произвел на меня впечатление большо-

го, симпатичного, распираемого от избытка энергии парня. Энергия эта и вправду была поразительной. В день он выдавал больше материала, чем два любых репортера, вместе взятые. Казалось, он не знал, что такое усталость.

Однажды субботним вечером после поздно закончившегося рабочего дня Хемингуэй предложил мне переночевать у него. В то время журналисты не имели собственных автомобилей и мы добирались до «апартаментов» Эрнеста на ночном трамвае. Апартаменты состояли из крошечной комнатухи в мансарде старого деревянного дома далеко не респектабельной части города. Ехать нужно было долго, и когда мы вошли в его комнату, я был уже совершенно сонным.

— Любишь стихи? — неожиданно спросил Хемингуэй. Я был на несколько дюймов ниже Эрнеста, и его пижама висела на мне мешком.

— Конечно, но...

— Давай читаем вслух Браунинга.

— Так поздно? Ты спятил?

Было уже за полночь, и я валился с ног.

— Брось, пожалуйста. У меня есть немного красного испанского вина. Пару глотков, и ты новый человек. Что скажешь? Почитаем с полчаса, не больше.

— Ладно...

Эрнесту трудно было отказать, особенно когда он улыбался. Он достал вино и налил мне немного. Я взял стакан и лег на пол, положив под голову подушку.

Хемингуэй начал читать. Читал он хорошо, ясным, сильным голосом, и я с удовольствием слушал его, пока не задремал. Однако он не дал мне заснуть.

— Вот что, — сказал он, — почитай ты немного, а то у меня во рту пересохло.

Я старался, но не мог правильно передать Браунинга. И очень скоро мне стало казаться, что я читаю на иностранном, незнакомом мне языке. Хемингуэй забрал у меня книгу. Я старался прислушиваться к его голосу, но быстро заснул.

Проснувшись я через пару часов, почувствовав, что отлежал шею. Было четыре часа утра. Эрнест все еще читал.

— Ради бога, Эрни, — сказал я, — ты и вправду рехнулся. — Он улыбнулся. Чтобы понять очарование его улыбки, ее нужно было видеть. Она вспыхивала на его лице, обнажая ямочки на щеках. Он выглядел абсолютно свежим.

— Конечно, я спятил, — ответил он. — А впрочем, какая разница? Я знал, что ты спишь. Люблю читать вслух. Так лучше чувствуешь аромат поэзии...

На следующий день он работал как ни в чем не бывало.

Иногда мне кажется, что именно неограниченная энергия и является отличительной чертой гения. К концу рабочего дня нас, простых смертных, хватает лишь на то, чтобы развлекаться или улечься спать. Для гения же все только начинается.

У большинства репортеров были постоянные маршруты. Каждый день они посещали одни и те же места, служившие для них источником информации. Время от времени им давали специальные задания. В маршрут Хемингуэя входили городская больница и вокзал.

Однажды во время очередного объезда он заметил в углу зала ожидания толпу людей. На каменном полу на носилках лежал закутанный в одеяла человек. Лицо его было покрыто отвратительными язвами, и люди стояли вокруг носилок, стараясь держаться на расстоянии. Похоже было, что больного никто не сопровождал. Человек тихо стонал.

— Что здесь произошло? — спросил Хемингуэй.

— У него какое-то инфекционное заболевание, — ответили из толпы. — Никто не осмеливается прикоснуться к нему. Кажется, уже послали за «Скорой помощью».

— Почему же он здесь один? Разве с ним нет санитаров?

— Двое мужчин вынесли его из поезда, положили здесь и сели обратно в вагон. Должно быть, безработный, у которого нет денег заплатить за санитаров.

— Когда послали за «Скорой»?

— Примерно с полчаса назад.

Хемингуэй выругался.

— Я бы и собаку так не бросил. Что с вами, люди? Неужели никто не мог отнести его на носилках до такси и отвезти в городскую больницу? У него же оспа. Он умрет, если ему не оказать помощь немедленно. Я знаю, что такое оспа, я сын врача и разбираюсь в симптомах. Кто поможет мне отнести его?

При упоминании об оспе толпа подалась назад. Никто не вызвался помочь Эрнесту.

Хемингуэй пришел в ярость.

— Да что же это с вами, трусы? Так и будете смотреть, как он умирает?

Но и на этот раз никто не шелохнулся. Тогда Хемингуэй сгреб больного своими сильными руками, вынес его из зала, велел вызвать такси и сам отвез его в больницу.

В марте того же года (1918) нам представилась возможность отправиться на войну. Хемингуэй был ужасно возбужден.

Мы должны были отплыть в Италию в июне с частью санитарных машин Красного Креста.

— Теперь никто не скажет, что я уклоняюсь от призыва, — заявил Эрнест в день получения повестки. Для него это был наболевший вопрос. Совсем недавно из-за незначительного дефекта зрения его освободили от службы в рядах американской армии. Это мучило Хемингуэя и частенько приводило в мрачное расположение духа. В то время трудно было устоять против военной лихорадки.

Старенькому судну «Чикаго» предстояло одному пробираться через зону действия подводных лодок. Мы стояли на палубе в ночь, когда «Чикаго» с потушенными огнями вышел в море. Поступали сообщения о немецких субмаринах, действовавших вдоль побережья Соединенных Штатов. Хемингуэй был в восторге. Но, к счастью, встреча с подводной лодкой не состоялась.

Во время нашего прибытия в Париж город обстреливала немецкая дальнобойная артиллерия. Это событие встревожило тогда весь мир.

С Северного вокзала было слышно, как в различных частях города разрывались снаряды.

— Пошли, Тед, — сказал Хемингуэй, — сейчас мы кое-что увидим. Эй, такси!

Маленький двухцилиндровый «авто», пыхтя, подкатил к нам. Мы втиснулись в него вместе с нашим багажом.

— Скажи ему, чтобы он отвез нас туда, где падают снаряды, — скомандовал Эрнест. — Мы пошлем в «Стар» такой репортаж, что в Канзас-Сити у всех глаза повылазят.

Я забеспокоился.

— Послушай, Эрнест. По-моему, нам следует быть осторожнее. Какой-то смысл нарочно подвергать себя опасности? Представь себе сообщение в «Стар»: «Сегодня двое жителей Канзаса были убиты во время осмотра достопримечательностей Парижа».

Он улыбнулся.

— Мы вряд ли попадем под обстрел. В Париже живет несколько миллионов. А сколько погибло от снарядов? Ты можешь сосчитать их по пальцам.

— Возможно, это так, — ответил я, — но ты не встретишь ни одного парижанина, который гонялся бы по городу за снарядами. Я уверен, они примут тебя за ненормального. Готов поспорить, что если мне удастся объяснить шоферу, чего мы от него хотим, он откажется везти нас.

— Ладно. Раз ты не хочешь, я поеду один.

— О'кей, — вздохнул я, — поехали.

Когда я наконец растолковал шоферу, что нам от него нужно, он разразился гневной тирадой. Я думал, его хватит апоплексический удар. Из обрушившегося на нас потока брани я понял только одно: он говорил нам «нет».

— Предложи ему больше денег, — сказал Хемингуэй.

Я протянул водителю крупную купюру. Поток брани немедленно прекратился. Шофер вежливо поклонился: «Mais, certainement, messieurs».

Итак, мы отправились в самый необычный в моей жизни рейс на такси. Немецкие дальнобойные пушки находились довольно далеко от города, и, конечно, они не могли вести прицельный огонь, так что снаряды беспорядочно ложились в разных районах Парижа.

Мы колесили по городу около часа, прежде чем нам удалось увидеть разрыв снаряда собственными глазами. Снаряд угодил в фасад какого-то собора, отколов несколько камней. Слышно было, как он просвистел у нас над головами — ощущение достаточно острое. Никто не пострадал. После этого немецкие батареи стихли.

Сейчас я не помню, писал ли Хемингуэй очерк о нашем необычном приключении в такси. Во всяком случае, я его никогда не читал. Но если он писал, то, должно быть, очерк удался. Такого рода статьи получались у него прекрасно...

«Канзас-Сити стар»;
6 декабря 1936 г.

Эрнест ХЕМИНГУЭИ

КАРТИНЫ ПЕРЕХОДЯТ ИЗ РУК В РУКИ — НОВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ВЫСОКОМ ИСКУССТВЕ В ТОРОНТО

Если ваш дом не украшают (насколько новое искусство вообще может что-либо украсить) произведения будущего Коро, современного Милле или потенциального Тициана из Торонто, то вы можете легко восполнить этот пробел, приобретя ненадолго, но за сущий лустяк лучшие работы модернистов.

Движение по обмену картинами зародилось в Торонто в доме № 63 по Фарнхэм-авеню, где проживает миссис У. Гордон Миллс, которая прошлой весной обратилась к одному из выдающихся художников города с просьбой одолжить ей на лето пару полотен. Мастер, один из тех, что «привнес ярость в искусство», быстро согласился, и вместе они обсудили возможность создания передвижной картинной галереи с выдачей картин на дом. Ряд молодых замужних дам Торонто восторженно поддержали эту идею, и вот передвижка в полном разгаре, или, точнее, циркуляции.

Согласно миссис Кеннет Т. Янг, 152 Блоор-стрит, циркулирующая галерея превратилась сегодня в чрезвычайно закрытое акционерное общество. Когда автор этих строк попросил у вышеназванной миссис от имени «Торонто стар уикли» данные для статьи о новом применении закона циркуляции Гарвея¹, то она, посоветовавшись с другими акционерами, решила, что публикация их имен, а также имен художников придаст всему предприятию дух торгашества и испортит дело. Кроме того, что за радость иметь у себя в доме картины, если их может заполучить любой платежеспособный гражданин.

Однако корреспонденту все же удалось установить, по какому принципу действует передвижная галерея. Молодые матро-

---

¹ Гарвей, Уильям (1578—1657) — английский врач, открывший кровообращение (здесь и далее прим. переводчика).

ны выбирают понравившиеся им работы процветающих, голодных или просто нуждающихся художников — все зависит от степени современности мастера и его умения рекламировать свой товар — и платят им десять процентов предполагаемой стоимости картин, после чего получают право распоряжаться ими в течение шести месяцев. Каждая из дам берет себе по две картины, и после того как они перестают доставлять удовольствие или, говоря проще, осточертевают настолько, что обмен становится более чем желателен, ими меняются с ближайшим членом-пайщиком галереи.

Так, например, картина одного из художников, который, по словам миссис Миллс, «привнес ярость в искусство», обладает такой силой, что обменять ее можно только по истечении нескольких дней, да и то, вероятно, по требованию мужа.

Другая картина оказывает такое умиротворяющее воздействие, что с ее помощью муж делается управляем, как кобра под дудкой факира. Эта картина может оставаться в доме бесконечно долго, помогая мужу стойко переносить такие потрясения, как прорезывание зубов, покупка весенних шляпок или превышение кредита в банке.

Художник тоже не внакладе. Таким образом, он хоть что-нибудь получает, а кое-кто, пусть даже немногие, лицезреют его картины, и по истечении шести месяцев он снова может выставить их для продажи. Но торгашеским духом здесь и не пахнет.

*«Торонто стар уикли»,
14 февраля 1920 г.*

ДИКИЙ ЗАПАД ПЕРЕБРАЛСЯ В ЧИКАГО

В Канаде никогда не было своего Дикого Запада. В основном, возможно, потому, что стоило кому бы то ни было прийти из-за границы и попробовать «дикозападничать», как канадская северо-западная конная полиция без лишнего шума отправляла его туда, где он никому не мог причинить никакого беспокойства.

Зато в Соединенных Штатах Дикий Запад процветал. Все было, как мы привыкли видеть в кино. Были игорные притоны, города «открытого порока», самогон, профессиональные игроки в сюртуках, ковбой-бандиты, убийства с разбором и без разбора — в общем, жизнь была ключом.

Но все это в прошлом. Там, где когда-то тихий ночной воздух сотрясали выстрелы, теперь тихой ночью вас не побеспокоит ничего, кроме телефонного звонка.

Где некогда бродили только сохатые, сегодня вместе с ними бродят масоны и прочие члены тайного братства. Иными словами, на смену старому порядку пришел новый.

Но Дикий Запад не исчез. Он только перебрался на новое место. В настоящее время он находится на юго-западной части побережья озера Мичиган, а его бандиты хозяйничают в районе опромных закопченных каменных джунглей, именуемых Чикаго.

Ежегодно кто-либо из конгрессменов или сенаторов докладывает конгрессу США о том, что за минувший год в Мексике было убито двадцать семь, а то и целых тридцать два американских гражданина. Все конгрессмены дружно вздрагивают. И то понятно: Мексика — скверное место. Нужно принимать меры.

Зато в городе Чикаго с января по ноябрь этого года было убито всего сто пятьдесят человек. Сто пятьдесят убийств за девять месяцев, то есть по одному убийству каждые сорок восемь часов.

Конечно же, это пустяки по сравнению с первыми прискоковыми городами штата Невада, где, как гласит молва, каждое утро к завтраку было по одному убитому. Правда, в Неваде меню на завтрак разнообразилось также за счет шерифов и полицейских, расправлявшихся с бандитами, а сведения по Чикаго приводятся без учета деятельности полиции, хотя наверняка и здесь стражи порядка каждый день кого-нибудь убивают.

Чикаго считается сухим городом. Но всякий, кто в состоянии выложить двадцать долларов за квартиру виски, может приобрести все, что душе угодно.

Игорные дома после небольшого затишья вновь процветают. Конечно, некоторые виды азартных игр могут существовать в любом городе, несмотря на усилия полиции. Игры эти не требуют специального оборудования, и играть в них можно практически в любом месте. Например, игрокам в кости во время облавы достаточно не открывать дверь ровно столько времени, сколько нужно для того, чтобы сгрести все деньги в саквояж из оленьей кожи, стоящий наготове на бильярдном столе, выбросить кости за окно, и никаких доказательств.

Зато существование рулетки невозможно без покровительства полиции. Рулетку не спрячешь и не выбросишь в окно — она громоздкая, тяжелая и дорого стоит. Открывая игорный дом, его хозяева должны быть совершенно уверены, что будут

заранее предупреждены о начале облавы, чтобы у них хватило времени припрятать оборудование.

Весь город говорит о расположенном в западной части Чикаго игорном доме с рулеткой, где ставки не уступают игорным домам Монте-Карло. Как видите, убийства, алкогольные напитки и азартные игры чувствуют себя на новом Диком Западе ничуть не хуже, чем на старом.

Что до полиции, то размеры преступности в Чикаго лучше всего характеризуют ее деятельность. Но даже если вам удалось миновать гибели от рук злоумышленников, то в Чикаго у беззубой с косой припасено для вас немало других сюрпризов. Только в этом, еще не окончившемся году под колесами автомобилей здесь почilo еще четыреста двадцать человек.

*«Торонто стар уикли»,
6 ноября 1920 г.*

ЗАМОРАЖИВАНИЕ СРЕДСТВ НАМ НЕ УГРОЖАЕТ

Недавно один фабрикант провел опрос своих служащих и обнаружил, что у каждого из них оказалось в кармане наличными в среднем по 28 долларов 50 центов. Комментируя этот факт, автор редакционной статьи призывал нас осознать, что если в карманах 10 миллионов человек лежит хотя бы по 20 долларов, то 200 000 000 долларов вместо того, чтобы быть пущенными в оборот, оказываются замороженными.

Автор передовицы может не волноваться. Возможно, в карманах фабричных служащих действительно оказалось по 28 долларов 50 центов, но ведь есть еще и мы. Для сравнения нам удалось с большим трудом составить фотомонтаж содержимого карманов нескольких человек, принадлежащих к одной и той же профессии.

Возьмем, к примеру, журналистов. В карманах рядового журналиста (холостого и закаленного) обнаружены следующие предметы:

Один симпатичный кожаный бумажник (подарок).

Три карандаша.

Два бесплатных пригласительных билета на плохие концерты.

Несколько неоплаченных билетов взаимно-сберегательного банка.

Три письма от его лучших приятельниц, собирающихся выйти замуж за кого-то, кто может их содержать.

Несколько трамвайных билетов.
2 доллара 85 центов наличными.

Репортер (женатый):

Неопределенное количество заявлений с просьбой об отсрочке различных платежей.

Один билет взаимно-сберегательного банка. Он один ставил на успешное решение проблемы нехватки угля, что в выигрышной ситуации могло бы принести ему по 30 долларов на каждый из пяти поставленных им. Но ситуация оказалась проигрышной.

Фотография жены.

Деньги на обед.

В карманах начинающего репортера было:

Пачка газетных вырезок — статьи, написанные самим репортером и опубликованные в настоящей газете. Они свидетельствуют о великолепном умении их автора освещать такие жизненно важные события, как сбитый грузовиком при переходе Дандес-стрит неопознанный мужчина. Обычно среди этих вырезок попадаетея и художественный рассказ, в котором репортер повествует о том, как гуляет ветер по Кинг-стрит. В один прекрасный понедельник заведующий отделом городских новостей поставил этот материал в номер, во-первых, потому, что рассказ короткий, а во-вторых, потому, что он сам когда-то был начинающим репортером.

Когда полицейским случается обнаружить мертвое тело, а в карманах его пиджака полно газетных вырезок, они знают — это либо начинающий репортер, либо актер. Так как репортеры никогда не умирают, то это всегда какой-нибудь актер.

Помимо вырезок из газет, в карманах начинающего репортера нашлось еще несколько предметов:

Письма от его лучшей приятельницы, которой еще не пришло в голову выйти замуж за кого-нибудь другого. Указатель улиц.

Несколько купленных в порыве расточительства слишком-ся почтовых марок.

Квитанция от портного на уплату десяти долларов в счет причитавшейся суммы.

Симпатичный портсигар, который начинающий репортер считал серебряным, пока ростовщик не разочаровал его.

Чек, которым он намеревался расплатиться за ужин.

Автор передовой статьи может спать спокойно. Пока существуют журналисты, продавцы облигаций и автомобилей, банковские служащие и прочие аналогичные профессии, всегда будет существовать денежный дефицит, который легко уравновесит избыток наличных средств у служащих фабрик.

*«Торонто стар уикли»,
6 ноября 1920 г.*

МЭР-БОЛЕЛЬЩИК

Мэр — ревностный болельщик на всех спортивных соревнованиях. Особенно он увлекается боксом, хоккеем и другими мужскими видами спорта. Любое спортивное событие, собирающее зрителей-избирателей, автоматически пользуется покровительством его милости. Если бы совершеннолетние граждане играли в чехарду и шарик, не сомневаюсь, мэр не замедлил бы посетить их соревнования.

Прошлым вечером мэр и я были на встрече по боксу в Массей Холле (Торонто). Нет, мы отправились туда каждый по отдельности, но оказались в одном зале.

Появление мэра было очень эффектным. Он долго не садился и все раскланивался с многочисленными знакомыми.

— Кто это такой? — спросил мой сосед.

— Это же мэр, — ответил я.

— Эй там, впереди, сядь! — гаркнул сосед.

Мэр был явно в восторге от матча. Он так оживленно пожимал руки всем, кто был рядом, что даже не заметил, когда прозвучал гонг и кончился первый раунд.

В перерыве мэр встал и стал внимательно разглядывать толпу.

— Что это он делает? — спросил сосед. — Подсчитывает, сколько вмещает зал?

— Что вы! Он просто дает возможность любителям спорта лицезреть своего мэра-болельщика, — ответил я.

— Эй там, впереди, сядь! — сердито крикнул сосед.

Во время следующих двух раундов мэр, наконец, признал несколько своих приятелей и долго махал им рукой. Он также пожал руку всем солдатам, причем некоторым на всякий случай он тряс руку дважды.

Скотти Лиснеру приходилось туго на ринге. Мэр не имел возможности следить за боем, но громко аплодировал вместе с толпой.

Однажды он даже повернулся к своему соседу справа и сказал:

— Лиснер всыплет ему, не правда ли?

Сосед с сожалением посмотрел на него.

— Я всегда знал, что Лиснер прекрасно дерется,— довольно сказал мэр и снова стал вертеться по сторонам, отыскивая, кому бы еще пожать руку.

Бой кончился. Рефери посоветовался с судьями и поднял руку противника Лиснера. Мэр встал.

— Я рад, что Лиснер выиграл! — воскликнул он.

— Неужели это действительно мэр? — спросил мой сосед.

— Этот человек — его милость мэр-болельщик! — ответил я.

— Эй, впереди, да сядешь ты наконец! — завопил сосед хриплым голосом.

Последний бой произвел на мэра особенно сильное впечатление. Правда, он ничего не видел, зато отыскал еще несколько человек, которым не успел пожать руки. Зал неистово свистел и аплодировал. Время от времени и мэр свистел, когда все аплодировали, но сразу же исправлялся.

В конце матча мэр сбился с ритма и, произнеся: «Собрание закрыто», — бросился к своей машине, очевидно, полагая, что находится на заседании муниципального совета.

Хоккеем мэр интересуется ничуть не меньше, чем боксом. Случись избирателям увлечься блошиными боями, картами или австралийским бумерангом, и мэр тут же окажется в первых рядах. Потому что он любит все виды спорта.

*«Торонто стар уикли»,
13 марта 1920 г.*

ДАМЫ ТОРОНТО РУКОПЛЕСКАЛИ БОИНЕ

Вчера вечером дамы Торонто впервые присутствовали на встрече боксеров-профессионалов. В сообщении для печати говорилось, что на встрече перед облаченными в вечерние туалеты представителями бомонда выступят четыреста боксеров. И действительно, в зале было по крайней мере около сотни дам.

Они якобы пришли посмотреть на спарринг Джорджа Карпентьера. На деле же они просмотрели несколько гладиаторских схваток и при этом постоянно улыбались и аплодировали. Для тех женщин Торонто, которые не посещают матчей профессионалов, мы расскажем, что они видели и как реагировали:

В центре арены возвышается сцена с огороженным канатами квадратным рингом. Во все стороны от ринга расходятся ряды для зрителей. Некоторые дамы потеснили мужчин, занимавших обычные первые ряды. Остальные расположились в ложах.

Две дамы со своими кавалерами сидели прямо за моей спиной возле самого ринга.

— Они надевают перчатки, чтобы не сделать друг другу больно, — объяснил один из кавалеров своей спутнице.

Во время первой схватки молодой, крепко сбитый малый за какие-нибудь полторы минуты забил до бесчувственного состояния неопытного паренька из Памильтона, небольшого роста и слабее его. У того, что поменьше, не было ни малейшего шанса противостоять своему здоровенному противнику, который отчаянно лупил его в огороженном канатом квадрате с того самого момента, как прозвучал гонг, и под конец ударил так сильно, что тот остался лежать на помосте. Тут не было выказано ни мастерства, ни техничности, ни мужества. Просто более крупный и сильный парень избил слабого до потери сознания. Малоприятное зрелище.

— Ну, этот-то быстро кончился, — сказала одна из сидевших за моей спиной дам.

— Да уж, — довольно воскликнул ее спутник. — Молокососу досталось от молодчины Лиснера.

Второй так называемый поединок был еще короче. В одном углу сидел мускулистый, известный своей трусостью, свирепого вида мясник. В другом — толстый, неуклюжий парень, выглядевший так, словно он впервые попал на ринг.

Едва прозвучал гонг, как мясник с квадратным подбородком ринулся вперед. Увалень сделал неловкую попытку закрыться руками. Правый кулак мясника прочертил смертельный полукруг к челюсти увальня, и бой закончился. Толстый, нетренированный парень рухнул лицом вниз на просмоленный брезент. Когда секунданты волокли беднягу в свой угол, брезент, как наждачная бумага, содрал всю кожу с правой стороны его лица.

Мясник сплюнул на помост, придал лицу выражение «посмотрите только, что я сделал с этим парнем» и неторопливо спустился в зал.

Все аплодировали, в том числе и дамы.

— Кажется, он его здорово стукнул, не правда ли? — сказала одна из дам.

— Надеюсь, что да, — радостно ответил ее спутник.

А в углу ринга секунданты хлопотали вокруг увальня, вытирая губкой кровь с ободранного лица и пытаясь привести его в чувство холодной водой. Малоприятное зрелище.

Во время четвертого поединка между находящимся в прекрасной форме, обладающим стальными кулаками бойцовым петухом из Торонто по имени Бенни Куд и напористым, мускулистым юношей из Буффало, показавшим себя стойким гемофиликом, внимание присутствовавших дам было отвлечено от ринга. Компания видных праждан Торонто появилась в зале и располжилась в своей ложе. Все как одна дамы быстро окинули взглядом вновь прибывших леди, чье появление здесь придавало особый светский шик их собственному присутствию.

Светская компания улыбалась и аплодировала на протяжении всего боя. Но выдавшие виды болельщики в первых рядах не улыбались, хотя и аплодировали смелости юноши из Буффало. Уж они-то прекрасно понимали, каково ему приходилось. Они видели, как Куд, не переставая, бил левой по сломанному носу пареня. Они понимали, как изнуряли того эти удары. Они все понимали и аплодировали его стойкости, но не улыбались. Зато в ложе улыбка не сходила с лица аристократок.

В былые времена в римском Колизее сидевшие по бокам арены экс-гладиаторы и их товарищи тоже аплодировали смертоносным ударам. Они хлопали, когда цестус¹ рассекал лицо гладиатора. Они награждали аплодисментами бойца с рыболовной сетью и трезубцем, сумевшего опутать вооруженного коротким мечом противника и прикончить его несколькими точными ударами. Но им было не до смеха. Они прекрасно понимали, что это значит.

«Тот посмеивается над рубцами, кто никогда не был ранен». И в этот субботний вечер смеялась только местная знать.

Затем четыре раунда подряд на ринге гарцевал чемпион Европы и кумир Франции. Спарринг-партнером чемпиона был мистер Ланиерс, чье единственное достоинство заключалось в его поразительном сходстве с неким мистером Джэком Демпси и который на протяжении всего представления пропустил по крайней мере две с половиной сотни ударов мистера Карпентьера.

Карпентьер продемонстрировал присутствовавшим дамам подобранные со вкусом халаты, две работающие с быстротой кобры руки и довольно смазливую физиономию. Он вышел на ринг, постоял в положении «смирно», пока играли «Марсельезу», а потом четыре коротких раунда лупцевал на все лады мистера Ланиерса и, закончив, уехал домой.

Вы думаете, пришедшие посмотреть на Джорджа Карпентьера дамы покинули зал после его выхода? Ничуть не бывало.

---

¹ Кастет кулачных бойцов в Древнем Риме.

Они остались и бурно аплодировали круглолицему Бобби Эберу из Гамильтона, который целых шесть раундов осыпал ударами самого отчаянного и сильного торонтского боксера в «весе пера». И я отчетливо слышал, как сидевшие за моей спиной люди, визжа от восторга, требовали нокаут.

Возможно, это магическое слово «арена» пробуждает в якобы слабом женском поле их древнеримские инстинкты? Некий историк утверждает, что большинство ликовавшей на гладиаторских боях толпы составляли именно дамы.

Однако мадам Карпентьер не было на матче. Ведь ее муж — профессиональный боксер, и она хорошо знает, что это такое. Вот почему она ждала Джорджа дома.

*«Торонто стар уикли»,
15 мая 1920 г.*

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ДЛЯ ОТПУСКНИКОВ

Всякому, кто регулярно читает некрологи, хорошо знакома эта фраза: «Целых двадцать лет он не был в отпуске».

Конечно, никаких строгих правил относительно срока нет. Очень может быть, что усопший не отдыхал в течение десяти, тридцати лет, во время пребывания на посту мэра, а то и всю жизнь. Такая фраза заставляет ошибочно думать, что возьми бедняга отпуск, который ему так настойчиво предлагали работодатели, он был бы жив и по сей день.

Это в корне неправильно. К сожалению, в газетах не принято писать, что причиной смерти послужило следующее: «Каждое лето он проводил на озере Милжитоссап». Или: «В августе покойный любил отдыхать на озере Уа-Уа».

Несколько таких формулировок — и все стало бы понятно. Читатели газеты уяснили бы, что покойный протянул эти двадцать лет только благодаря тому, что сохранил здоровье, воздерживаясь от отпуска. Прочие великолепные мужи спокойно падали, подобно перезрелым преппфрутам, через тридцать лет, или по окончании срока полномочий мэра, или благополучно дотягивали до конца своих дней, и все потому, что никогда не проводили отпуск в таких местах, как Озеро Прелестная Вода или живописный Уголок Бездельника...

ГОСТИНИЦА «ДОЛИНА БРАКОНЬЕРОВ», ШТАТ ОНТАРИО

Как добраться до гостиницы «Долина Браконьеров», не имеет значения. Важно знать, как оттуда выбраться. Сначала

вы трясетесь пять миль в потрепанном «форде» по сплошному песку. Потом ждете на станции появления поезда. По воскресеньям поезда не ходят. Постарайтесь не свихнуться от радости, когда вы увидите поезд.

ПРЕКРАСНОЕ ОЗЕРО ЗАСИЖЕННОЕ МУХАМИ

Прекрасное озеро Засиженное Мухами притаилось, подобно язве, в чаще больших северных лесов. Вокруг него высятся величавые торы. Над ним распростерлось величавое небо. Со всех сторон его окружают величавые берега, сплошь покрытые величавой дохлой рыбой, заснувшей от тоски.

УЛЫБАЮЩЕЕСЯ ОЗЕРО УА-УА

Улыбающееся озеро Уа-Уа постоянно смеется. Оно смеется над мрачными, неулыбчивыми людьми, которые степенно прохаживаются вдоль его берегов. Улыбающееся Уа-Уа знает, что люди эти остановились в гостинице «Хихикающий Окунь», где кормят впроголодь. Уа-Уа видит их изможденные лица с лихорадочным блеском в глазах, когда они отбиваются от комариных полчищ. Улыбающееся Уа-Уа знает, что у них на уме... Они не могут дождаться, пока кончатся эти две недели.

ПРЕКРАСНЫЙ ПЛЯЖ ДЛЯ СУБЪЕКТОВ

Прекрасный Пляж для Субъектов гнездится рядышком с самым крупным внутренним пресноводным водоемом Американского континента. Вооружитесь багром, и тогда Прекрасный Пляж для Субъектов превратится в идеальное место отдыха для малышей. Они могут резвиться в песке Прекрасного Пляжа для Субъектов сколько душе угодно. А когда маленькие типчики наиграются вволю, они начнут бросаться песком и с визгом загонять друг друга подальше, в самый крупный внутренний пресноводный водоем Американского континента. Обычно выудить типчиков обратно удастся лишь с помощью багра.

ЖИВОПИСНЫЙ УГОЛОК БЕЗДЕЛЬНИКА

Уголок Бездельника — один из самых тихих курортов в Штатах, расположенных на озере Эри. Именно комфорт и тишина отличают Уголок Бездельника. Управляет им С. А. Джарвис.

Каждое утро в три часа петух Джарвиса возвещает сначала о приближении, а немного погодя о наступлении рассвета... Тысячи других петухов поддерживают его. С кухни доносится промыкание посуды — это прислуга начинает день... Близняшки Патмана тоже просыпаются рано, и их детские голоса перекрывают заведенный ими граммофон.

К этому времени солнце так раскаляет стену вашей комнаты, что у вас становится жарко, словно в духовке... Первую половину ночи вы не спали из-за комаров. Голова начинает распухать от жары. Вы одеваетесь и спускаетесь к завтраку. На тарелке вас ждет бледно-зеленый черствый кусок дыни. Яичница прожарена до консистенции холодной резины... Тосты холодные и прогорклые. Впереди прекрасный день.

В Уголке Бездельника так жарко, что вы не можете заняться ничем, кроме чтения. Жара загоняет всех в тень веранды. Другой тени здесь нет. На веранде созданы все условия для чтения: висит гамак — огромный, потрепанный, всегда кем-то занятый, — и стоит несколько неудобных стульев...

...В полдень жара дожимает вас даже на веранде. Тогда гость отправляется за дом, где начинает ложиться тень, и растягивается прямо на траве. Вскоре он засыпает. Тысячи таинственных насекомых осторожно переползают с травяных стебельков на спящего. Он продолжает спать. Все больше насекомых перебирается с травы на тело. Он все еще спит. Он проспит так весь день, зато потом будет маяться всю ночь. А там петух Джарвиса заорет опять, и начнется новый день. Гостю предстоит еще тринадцать таких денечков, прежде чем он сумеет вернуться в свою контору. Дотянет ли он? Или сложит голову в отпуске?

*«Торонто стар уикли»,
21 мая 1921 г.*

О СВАДЕБНЫХ ПОДАРКАХ

Три дорожных будильника

Тикают

На камине

Запятая

А юноша умирает от голода.

Это начало поэмы, написанной в лучшем стихотворном размере 1921 года. Поэма никогда не будет окончена. Это ужасно.

Сюжет ее слишком печален для моей пишущей машинки. Она о свадебных подарках.

Настанет день, когда я услышу слова «свадебный подарок» и при этом не буду испытывать того острого нервного ощущения, какое переживает человек, наступив случайно на хвост большой, до сих пор молчавшей кошки, одновременно угодив рукой в клубок гремучих змей. Но день этот пока далеко.

Все началось с наших богатых друзей. Подобно большинству бедных людей, у нас есть много богатых друзей. Богатый друг таит в себе чудесные потенциальные возможности. Вас не оставляет смутное предчувствие, что, когда ваш очень богатый и очень близкий друг решит отправиться к своим очень богатым предкам в отдаленный райский уголок, он может оказать вам приятную услугу в виде завещания. Вы также подозреваете, что случись вам жениться, и друзья-богатеи преподнесут нечто подходящее к случаю.

Так поступали все наши богатые друзья. Они дарили дорожные будильники. Один дорожный будильник — это восхитительно, два — приятно, три — ни к чему, а четыре — просто смешно.

Есть вещи, которые нам необходимы, и много таких, которыегодились бы: например, полотенца, ложки вместо предоставленных хозяином квартиры, которые постоянно ржавеют и царапают рты неосторожных гостей. Кроме того, нам нужно очень много денег.

Когда мы впервые получили от старых друзей семьи и родственников денежные чеки, то было немного грустно думать, что голубые листочки бумаги останутся единственной памятью об их персонах. Позже, убедившись, что огромные голубые и раскрашенные всеми цветами радуги вазы для фруктов — все, что осталось в память о восьмидесяти процентах наших друзей, мы передумали. Конечно, есть у меня несколько друзей, которые сами напоминают мне огромные голубые раскрашенные чаши для пунша, но таких не много. Когда-то был у меня друг, который смахивал на огромный голубой сверкающий походный пивоваренный завод, но я что-то не могу припомнить друга, напоминающего дорожный будильник в замшевом футляре... Не стоит обманываться насчет подарков, напоминающих нам о ком-либо. Кого может напоминать симпатичный половник или серебряное блюдо для овощей? Даже счета всего-навсего наводят на мысль о домовладельце, молочнике, телефонной компании или бакалейщике.

Можно подумать, что у автора этих строк напрочь отсутствует чувство благодарности. Но хотя он и задевает кое-кого, это безобидный протест против свадебных подарков как института. Следует провести конференцию и ограничить дарение

свадебных подарков только ближайшими родственниками невесты и жениха.

Возьмем, например, нашу лестницу. Домовладелец, явный романтик, сдавая нам квартиру, назвал ее «апартаментами на третьем этаже»... Возможно, что и виллу на вершине Везувия он описал бы не иначе, как «идеальное местечко, хорошо отапливаемое, добраться до которого можно, совершив приятное восхождение, и всего в двадцати восьми минутах от сердца Неаполя».

Первый этаж в нашем доме называется на английский манер цокольным. Второй этаж, я думаю, — антресоли. Только потом начинаются настоящие этажи. Наша квартира — на третьем.

Посыльные оставляют ящики на цокольном этаже. При этом они радостно выкрикивают: «Один — восемьдесят — девять!» Сей интригующий крик означает, что вам следует заплатить посыльному один доллар восемьдесят девять центов — сумма немалая. Лично мне ни разу не доводилось видеть свадебного подарка, за который я не моргнув глазом уплатил бы столько денег. Однако это спорный вопрос.

Расплатившись с посыльным, вы, шатаясь под тяжестью ящика, преодолеваете пять лестничных пролетов. Ящик обязательно большой и тяжелый. Первый пролет вы одолеваете сравнительно легко, одним махом, думая при этом об альпинистах, горцах и благородной миссии труда. На втором пролете вы думаете об Эвересте и тяжести ящика. После второго пролета вы просто карабкаетесь вверх.

Наконец вам удастся вскрыть ящик кухонным ножом. Оказывается, он битком набит древесной стружкой... Стружка разлетается по ковру. Вы погружаетесь в нее в поисках подарка. Это все равно, что искать иголку в стоге сена. С трудом вы извлекаете помятый сверток, разворачиваете — и перед вами прекрасная разбитая ваза. Она олицетворяет дядю Джорджа. Вы осторожно опускаете дядю Джорджа в мусорное ведро и пытаетесь немного поработать, пока снова не раздастся звонок в дверь.

Вчера прибыло двадцать две посылки. В одной из них я нашел два красивых полотенца. Они не были ни разбиты, ни упакованы в древесную стружку или в опромный деревянный ящик. Всякий раз, проходя мимо, я ласково провожу по ним рукой. Не знаю, кого они олицетворяют, но уверен, это должен быть очень приятный человек.

*«Торонто стар уикли»,
17 декабря 1921 г.*

ВETERAN ПРИЕЗЖАЕТ НА МЕСТА БОЕВ...

Если у вас еще сохранились воспоминания о том, что произошло ночью в грязь Пашендаэле или во время наступления первого эшелона, штурмовавшего склон горы неподалеку от Веме, то для того, чтобы освежить их, не стоит возвращаться в эти места. Места бывших боев изменились так же неузнаваемо, как и ваша голень, на которой остался лишь тонкий белый шрам, а когда-то вы корчились, пытаясь перетянуть ее жгутом, и кровь, просочившись сквозь повязку, стекала струйкой в ботинок, и когда вам удавалось подняться, вы хромали до перевалочного пункта, хлюпая в собственной крови.

Если уж вам так хочется, отправляйтесь лучше туда, где воевал кто-нибудь другой. Воображение поможет вам представить все, что там произошло. Только не приезжайте на места ваших боев, потому что происшедшие перемены, необычайно мертвенное, навевающее тоску уныние и спокойная зелень полей, некогда изрытых воронками от снарядов и исполосованных окопами и заграждениями из колючей проволоки, заставят вас поверить в то, что события, казавшиеся вам действительно великими, были не более чем ночным кошмаром и самообманом. Это все равно, что войти в пустую темноту театра, когда в зале никого, кроме выметающих грязь уборщиц. Поверьте мне, ведь я сам недавно побывал там, где пришлось воевать.

Не только поля сражений изменились и приобрели щеголеватый зеленый лоск — засыпаны воронки и окопы, взорваны и сровнены с землей долговременные огневые сооружения, сняты и заброшены гнить на свалках заграждения из колючей проволоки. Неудивительно также, что поля сражений не вызывают больше прежних чувств, особенно теперь, когда освятившие их своей кровью солдаты вырыты из этой земли и захоронены на огромных, аккуратных кладбищах за много миль от тех мест, где они погибли. Этого следовало ожидать. Города, где стояла ваша часть, города, не сохранившие ни малейшего следа войны и неузнаваемо изменившиеся, — вот что больше всего заставляет ныть ваше сердце. Ибо есть немало маленьких городов, которые вы любите, да и на самом деле, кому еще, кроме штабного офицера, может нравиться поле битвы.

Есть много разных городов со странными фламандскими названиями и узкими, мощенными булыжником улочками, сохранившими свое очарование. Возможно, и есть такие города. Но я только что вернулся из Скио. Это был самый очаровательный город из тех, что мне довелось повиждать во время войны, и я бы ни за что не узнал его сегодня, и дорого бы дал, чтобы не приезжать туда вовсе.

Скио — одно из прекраснейших мест на земле. Это маленький городок в районе Трентино, расположившийся у подножия Альп. Городок, где вы всегда могли найти самый радушный прием, развлечение и отдых. Там стояла наша часть, и все мы были страшно довольны и частенько мечтали о том, как это будет хорошо приехать пожить в Скио после войны. Я особенно отчетливо помню первоклассную гостиницу «Две Спади», где превосходно кормили, и фабрику, в которой помещались наши казармы и которую мы называли «Скио кантри клуб».

На этот раз почему-то Скио показался мне невзрачным. Я прошелся по его длинной главной улице, заглядывая в витрины магазинов с выставленными в них сорочками в горошек, дешевой фарфоровой посудой, почтовыми открытками с десятком вариантов изображений молодого человека и девушки, преданно смотрящих в глаза друг другу, засиженными мухами пирожными и огромными круглыми буханками черствого хлеба. Сразу за улицей по-прежнему начинались горы, но без снежных шапок; съездившиеся от дождей, они больше походили на холмы. И все же я долго смотрел на горы и потом пошел вниз по другой стороне улицы к центральному бару. Начал накрапывать дождь, и владельцы магазинов опускали навесы над витринами.

«Город изменился после войны», — сказал я розовощекой черноволосой девушке, недовольно восседавшей с вязаньем на стуле за обитой оцинкованным железом стойкой бара.

«Да», — ответила она, не отрывая глаз от вязанья.

«Я был здесь во время войны», — робко продолжил я.

«Многие здесь были», — ехидно буркнула она.

«Grazie, Signor», — сказала она с заученной оскорбительной вежливостью, когда я заплатил за выпитое и вышел на улицу.

Так меня встретил Скио. «Две Спади» превратилась в крохотную посредственную забегаловку. Фабрика, где были наши казармы, гудела как улей. Старые ее ворота заложили кирпичом, и отходы черным потоком стекали в ручей, в котором мы когда-то купались. Былое очарование навсегда оставило эти места. На следующий день после плохо проведенной ночи я ушел из гостиницы пораньше, не смотря на дождь.

Когда-то в Скио был сад, окруженный увитой глицинией стеной, за которой душными ночами мы пили пиво, и грузная, как бомба, луна висела над огромным платаном, и тени от его веток причудливо расплзались по столу. Я бродил по городу до самого полудня, но так и не нашел этого сада. Может быть, его не существовало вовсе?

Возможно, и войны-то здесь никогда не было. Помню, я лежал на скрипучей кровати, пытаюсь читать при свете лампы, подвешенной высоко в самом центре потолка, и потом, выключив свет, смотрел из окна на мостовую, едва освещенную тусклым, пробивающимся сквозь дождь светом уличного фонаря. Именно по этой мостовой в 1916 году проходили, поднимая белую пыль, батальоны. Это были «Бригата Анкона», «Бригата Комо», «Бригата Таскана» и еще десять батальонов, присланных, чтобы остановить наступление австрийцев, прорвавших горные укрепления Трентино и просочившихся в долину, откуда открывался путь к равнинам Венеции и Ломбардии. Это были хорошие войска по тем временам, и они прошли здесь по белой пыли раннего лета, остановили наступление и погибли в горных лощинах и сосновых лесах на склонах Трентино, пытаясь найти укрытие в голых скалах и окопаться в первом рыхлом летнем снегу горы Пасубио.

Это была та самая мостовая, по пыли которой эти же бригады прошли еще раз в июне 1918 года, когда их перебросили к берегам Пьяве, чтобы остановить новое наступление. Только лучшие из бойцов уже остались лежать в горах близ Гориции, на склонах горы Сан-Габриеле и в прочих местах, где умирали солдаты, и о которых никто никогда не слышал. В 1918 году они уже не были такими бравыми, как в 1916-м. Солдаты веренищей тянулись друг за другом, и когда поднятое бригадой облако пыли рассеивалось, вдоль обочины можно было увидеть потрепанных, едва переставлявших сбитые ноги, обливавшихся потом под тяжестью ранцев, винтовок и палящего итальянского солнца бедняг, обреченно бредущих за ушедшим вперед батальоном.

Итак, мы отправились в Местре, где когда-то была станция снабжения фронта. Мы ехали туда в вагоне первого класса, битком набитом пропахшими потом итальянскими спекулянтами, направлявшимися в отпуск в Венецию. В Местре мы наняли машину до Пьяве и, развалившись на заднем сиденье, изучали карту и окрестности вдоль дороги, проложенной через ядовито-зеленые болота, сковавшие по обеим сторонам побережье Венеции.

Недалеко от Порто Гранде, в нижней части дельты Пьяве, где австрийцы и итальянцы, увязая по пояс в трясине, атаковали и контратаковали друг друга, наша машина сломалась, став посреди насыпной дороги, вклинившейся в зеленую болотистую пустыню. Водитель долго возился с забитой грязью коробкой передач, и моя жена также долго извлекала иголкой занозу из его пальца, и все это время мы жарились на жгучем

солнце. Потом налетел ветерок, и в рассеившейся дымке мы увидели Венецию, открывшуюся нам из-за болота и полосы моря, серую и желтую, как сказочный город.

Наконец водителю удалось вытереть последнюю грязь со свою пышную шевелюру, коробка передач перестала упрямитесь, и мы поехали дальше по топкой равнине. Фоссальта — конечная цель нашего путешествия — осталась в моей памяти разнесенным в клочья артиллерийским огнем городком, в развалинах которого не могли жить даже крысы. В течение года австрийцы стояли на расстоянии минометного выстрела от города, и в перерывах между атаками они снесли все находившиеся в радиусе обстрела здания. В разгар войны это был первый плацдарм, захваченный австрийцами на венецианском берегу Пьяве, и последний пункт, откуда их выбили и загнали в болото, и огромное количество солдат погибло на мощенных булыжником, развороченных мостовых города, в развалинах его домов или было сожжено огнеметами в его подвалах во время уличных боев.

Мы остановили машину на одной из улиц и пошли пешком по Фоссальте, не сохранившей и следа от трагического величия разрушенного города. На месте старой Фоссальты толпились новые, респектабельные, оштукатуренные дома, раскрашенные в ярко-голубые, красные и желтые цвета. Мне приходилось бывать в Фоссальте по крайней мере раз пятьдесят, но я ни за что не узнал бы этого города. Уродливее всего выглядела новая оштукатуренная церковь. Все вокруг имело лощеный, преуспевающий вид.

Я поднялся по поросшему травой склону над заброшенной дорогой, где раньше находились наши блиндажи, и вышел к берегу голубой реки. Пьяве настолько голубая, насколько бурый Дунай. На противоположном берегу, где проходили австрийские позиции, тоже стояло несколько новых домов.

Я попытался найти хоть какой-то след от окопов, чтобы показать их жене, но склон был безукоризненно гладкий и зеленый. В густых колочих придорожных зарослях мы нашли старый ржавый осколок снаряда. Судя по чугунной ровной грани осколка, это был химический снаряд. Вот и все, что напоминало здесь о войне.

На обратном пути к машине мы говорили о том, как это замечательно, что Фоссальта отстроена заново и люди вновь въехали в свои дома. Мы говорили и о том, какие молодцы итальянцы, без лишнего шума восстановившие разрушенные районы, тогда как другие страны использовали свои разрушенные города для рекламы и выкачивания контрибуций. Мы ска-

зали все, что положено говорить в таких случаях, и замолчали. Больше говорить было не о чем. Потому что все это выглядело очень и очень грустно.

Людям никогда уже не вернуть себе свои старые дома, где они играли детьми, где, притушив лампы, любили друг друга, где грелись у очага, не вернуть ни церкви, в которой они венчались, ни комнаты, где умер их ребенок, — ничего этого больше нет. У разрушенного войной городка есть своеобразное величие, как будто он погиб не напрасно, а стал частью одной огромной жертвы, принесенной во имя чего-то лучшего. Но здесь нам не открылось ничего, кроме отвратительной бессмысленности всего происшедшего.

Итак, мы возвращались по улице, на которой у меня на глазах убили хорошего друга, мы шли мимо безликих новых домов к нанятой нами машине, чей хозяин, если бы не война, никогда бы не приобрел ее, и все это казалось мне теперь очень печальным. Я хотел воссоздать для моей жены картины прошлого, но у меня ничего не получилось. Прошлое мертво, как разбитая граммофонная пластинка. Погоня за прошлым — неблагоприятное занятие, и если вы хотите убедиться в этом, поезжайте на места ваших былых боев.

*«Торонто дейли стар»,
22 июля 1922 г.*

ГОРЯЧАЯ ВАННА В ГЕНУЕ — РИСКОВАННОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ

Ллойд Джордж утверждает, что конференции значительно лучше и дешевле, нежели войны. Однако, насколько мне известно, Ллойд Джорджу не доводилось быть взорванным в итальянской ванной. А вот мне довелось, и это — одно из многих различий между нами.

Взорвавшаяся ванна — удивительно неприятная штука. Чувствуешь себя совершенно беззащитным. Уж лучше подорваться в окопе — в этом хоть есть свои плюсы: вы можете оставить окоп и отправиться в госпиталь, а поправившись, даже немного похвалиться ранением. Подорваться же в ванне значительно хуже. Ведь вы так или иначе намеревались выйти оттуда с минуты на минуту, раны не облегчают вашего положения, а напротив, унижают вас, и в довершение всего сразу после взрыва вам предстоит приниматься за работу.

Я вошел в ванную, предвкушая предстоящее удовольствие, полный любви к Италии и итальянцам. Я выскочил оттуда обожженный прозрением, ненавистью все и вся.

Ванна была горячей и глубокой, и в подвешенном на стене большом медном баке весело урчал газ.

Для развития рассказа следовало бы добавить еще несколько вступительных фраз. Но, к сожалению, это очень короткая история.

Неожиданно бак стал свистеть и фыркать. Потом из него, шипя, как приближающийся снаряд, вырвалась под давлением струя пара, и без дальнейших церемоний бак взорвался. Ударная волна выбросила меня из ванны и пригвоздила к двери. Комнату заполнило рыгающее облако пара, и я в чем мать родила распластался на двери подобно морской звезде и наконец догадался повернуть ключ в замке.

Пролетая от ванной к двери, я, кажется, ударился об эмалированный таз и стул — предположение, подтверждавшееся глубоким порезом на правой голени и большим, быстро зеленеющим кровоподтеком на левом бедре. Я растянул правое запястье, и кожа с ладони сошла почти полностью. Дно медного бака вырвало взрывом.

Швейцар нырнул в пар и перекрыл калорифер. Кто-то из прислуги накинул на меня огромное полотенце. От взрывной волны у меня перехватило дыхание, и говорить я мог только шепотом. Правда, шептал я чрезвычайно выразительно.

Появился хозяин гостиницы, и я стал шептать ему по-итальянски.

— Вы говорите по-французски? — спросил он.

— Немного.

— О, тогда побеседуем по-английски, — он взволнованно развел руками. — Мосье причинили неудобства?

— Похож я на счастливчика? — прошептал я, надевая халат.

— Но мосье должен радоваться. Его могло убить. Мосье здорово повезло. — Он улыбнулся во весь рот.

— А нога, — прошептал я с горечью, — ей тоже повезло?

— Да-да, мосье. Могло быть намного хуже. Я пошлю за йодом.

Он мгновенно исчез.

Позднее коридорный растолковал мне, что катастрофа была неминуема.

— Видите ли, синьор, — объяснял он по-итальянски, улыбаясь, — бой, который ремонтирует ванны, поставил в sicurezza — предохранительный клапан — маленькую пробку, очень старую пробку. С такой пробкой вода нагревается гораздо быстрее.

Мы всегда так делаем. Бой — очень хороший малый — просто забыл вынуть эту пробку. Предохранительный вылет забило. — Он очаровательно улыбнулся и закончил: — Теперь синьор сам видит, что взрыв был совершенно неизбежен.

Что ж, подождем, не предъявят ли мне счет за пузырек с йодом, который прислал хозяин.

*«Торонто дейли стар»,
2 мая 1922 г.*

В ЧЕРНОМ ЛЕСУ

Если вы хотите отправиться на рыбалку в Черный лес, не забудьте встать за четыре часа до того, как первый шварцвальдский петух переступит с ноги на ногу и сочтет, что настало время кукарекать. Это минимум времени, необходимого вам для преодоления всевозможных правовых лабиринтов, коль скоро вы хотите добраться до реки затемно.

Прежде всего Черным лесом называется местность, где вовсе нет никакого леса. Это цепь гор, изрезанных железными дорогами, картофельными полями, пастбищами, коричневыми шале и полными форели речушками с галечным дном. По склонам громоздятся огромные отели, управляемые онемеченными швейцарцами, в совершенстве овладевшими мастерством превращения одного отрезанного мясником бифштекса в четыре; отели, в которых, проснувшись поутру, узнаешь, что с падением курса марки цены в гостинице упали до 3 долларов 75 центов в неделю...

Правда, швейцарец — владелец отеля поднимает цены с легкостью и грациозностью промышленяющего в поездках карточного шулера...

Однако все это не имеет никакого отношения к ловле форели в Черном лесу. Триберг состоит из одной горбатой улицы, вдоль которой вытянулись горбатые отели. Городок расположен в одной из горбатых горных долин, и говорят, что зимой по долине гуляет холодный бриз. Никто не бывал в Триберге в зимнее время..., но восемьсот изнемогающих от зноя отпускников с готовностью положат правую руку на место, где должно быть сердце, если только их сердца находятся с должной стороны, и поклоннутся, что летом в Триберге вообще не бывает ветра.

Мы высадились в Триберге после пятичасовой тряски в поезде из Фрейбурга. Поначалу мы планировали пройти пешком через Черный лес, но оставили эту затею, как только увидели

толпу туристов, валом валивших по всем ведущим к лесу дорогам. Нельзя было пройти и пятнадцати метров по самой глухой и дикой дороге, чтобы не наткнуться на шестерых — восьмерых туристов, бритоголовых, с голыми коленками, петушиными перьями в шляпах, с запахом кислой капусты в дыхании, с жаждой к перемене мест в глазах и целой коллекцией алюминиевой посуды, которая лязгала по ногам при каждом шаге.

— Хозяин гостиницы все устроит, — сказал старший швейцар. — У его приятеля есть разрешение на рыбную ловлю.

Мы направились в бар, где приятель, у которого было разрешение, резался в карты с шестью друзьями. Хозяин гостиницы переговорил с приятелем, постриженным по последней моде этого года под дикобраза, и тот яростно колотил кулаком по столу, и вся компания громко хохотала.

Хозяин гостиницы вернулся к нашему столу.

— Они шутят, — сказал он. — Мой друг говорит, что если вы заплатите ему два доллара, то можете ловить рыбу до конца своих дней.

Счастливые, мы отправились спать. В королевских апартаментах самого большого отеля Триберга мы ворочались в тридцатисемидесятирублевых кроватях, сбрасывая на пол стеганные одеяла из гагачьего пуха. В конце концов в мире не без справедливости.

Утром, прихватив все наше снаряжение, мы спустились к завтраку. Швейцар, также швейцарец, выдающий себя за немца, тут же подошел к нам.

— Есть новости. Не все так просто. Вы должны обратиться за разрешением в полицию. Нужна фишкарте.

Два последующих дня я пропускаю. Мы провели их в различных учреждениях королевства Баден, занимающихся всевозможной ерундой, где вели подобные разговоры:

Мы входим в контору, битком набитую клерками. Солдаты с суровыми лицами почесывают мягкие места эфесами сабель.

Мы, мистер Бёрд и я, спрашиваем: «Вер ист дер бургомистер?»

Клерки меряют нас взглядом и продолжают писать. Солдаты смотрят в окно на громадный каменный памятник войне 1879 года. Наконец, один из клерков поднимает голову и показывает на внутреннюю дверь. Мы занимаем очередь и после долгого ожидания попадаем в кабинет.

Мы — мистер Бёрд, заведующий европейским отделением «Консолидиртед Пресс», и я, спрашиваем: «Битте, герр бургомистер. Нам нужна дер фишен картен. Мы хотим удить рыбу, гефишен».

Бургомистр смотрит на нас и говорит: «Нихт. Найн». Это то небольшое из его тирады, что доходит до нас.

— Дас фишен картен,— ласково объясняем мы.

— Нихт,— отрубает он,— найн,— и указывает на дверь.

Мы уходим. Так продолжается до бесконечности.

К тому времени, как, разыскав некоего владельца фабрики, производящей не то громоотводы, не то расчески, у которого имелось разрешение, мы нашли место, где удить рыбу, еще не-сколько обаятельных бургомистров довели до нашего сведения, что получить разрешение в Триберге невозможно и что для этого нам следует отправиться в Нассбах. Мы не знали, где находится Нассбах. Похоже, нам не на что было надеяться. Мы реши-ли приступить к рыбалке.

Речушка была просто прекрасна. Приятель, которому она принадлежала, был, очевидно, так занят производством лосьона для волос или крючков для башмаков, что сам никогда не удил, и форель клевала так, что мы не успевали забрасывать удочки. Два дня мы ловили сколько душе угодно. На третий день мое сознание проснулось.

— Нужно поехать в Нассбах и получить разрешение,— предложил я.

Мы нашли Нассбах по карте. Никто не знал, где находится контора бургомистра. Наконец мы обнаружили его в небольшом сарае напротив церковного дворика, где группа школьников проходила строевую подготовку. Мы были наслышаны об ужас-ных штрафах за рыбную ловлю без разрешения. Браконьерство строго наказывалось.

Мистер Бёрд, откликающийся на Билла, говорит по-немецки, но думает, что не умеет. Я же, наоборот, не говорю по-немецки, но думаю, что умею. Вот почему инициатива в разговорах при-надлежит мне. Мистер Бёрд говорит, что мое знание немецкого сводится к тому, что я произношу английские слова с итальян-ским акцентом.

— Мы вишен дер фишен картен,— сказал я, отвесив низ-кий поклон.

Бургомистр посмотрел на меня сквозь очки в металлической оправе.

— Иа? — спросил он.

— Мы вишен дер фишен картен, ком са,— сказал я твер-до и показал взятую у приятеля-фабриканта желтую карточку с названием водоема.

— Иа,— сказал он, внимательно разглядывая карточку.— Дас ист гут вассер.

— Можем мы гефишен в ней? — спросил я.

— Иа, йа, — ответил бургомистр.

— Вот и все, Билл, — сказал я, — Пойдем.

С тех пор мы повсюду ловим рыбу. В один прекрасный день нас обязательно арестуют. Я буду апеллировать к бургомистру Нассбаха. Он великолепный человек. Я точно помню, он разрешил нам удить рыбу в чистой воде.

*«Торонто дейли стар»,
2 сентября 1922 г.*

ДРЕВНИЙ КОНСТАН

Утром, когда просыпаешься и видишь окутанную дымкой бухту Золотой Рог и возвышающиеся над ней, уходящие прямо к солнцу стройные и опрятные минареты и слышишь парящий и глубокий, как ария из русской оперы, голос муэдзина, зовущего правоверных к молитве, тогда ощущаешь все очарование Востока.

Когда, посмотрев в зеркало, видишь, что лицо твое покрыто множеством мелких красных пятнышек, оставленных очередным насекомым, обнаружившим тебя ночью, тогда понимаешь — ты на Востоке.

Возможно, существует некая золотая середина между Востоком, описанным в рассказах Пьера Лоти¹, и Востоком как он есть, но найти ее может только тот, кто умеет закрывать на все глаза, не обращать внимания на пищу и не замечать укусов разнообразных насекомых.

Никто не знает, сколько людей живет в Констане. Старожилы всегда называют город Констаном; это так же как на Гибралтаре, где любой человек, называющий город иначе чем просто Гиб, считается новичком. Перепись здесь никогда не проводилась. По приблизительным подсчетам, население города составляет полтора миллиона человек. Сюда не входят сотни потропанных фордов, сорок тысяч русских эмигрантов, одетых во всевозможные мундиры царской армии, находящиеся на различных стадиях обветшания...

Если нет дождя, то Констан покрыт толстым слоем пыли, и собака, пробегая по дороге, поднимает своими лапами такие же клубы пыли, какие вздымает, ударяясь о сухую землю, пуля. Человеку пыль достает почти до лодыжек, а ветер гоняет настоящие пыльные вихри.

¹ Лоти, Пьер (псевдоним; настоящее имя — Луи Мари Жюльен Вио) — французский писатель, в многочисленных произведениях о Востоке выдвигал на первый план экзотику природы, старался обходить социальные проблемы региона.

Если идет дождь, то все это превращается в грязь. Тротуары такие узкие, что ходить приходится по улице, и улицы напоминают реки. Правил уличного движения не существует, и проезжая часть забита автомобилями, трамваями, извозчиками и носильщиками с огромными тюками на плечах. В городе две главные улицы, все остальное — переулки. Но и главные улицы недалеко ушли от переулков.

Национальным блюдом турок считается индейка. Птицы эти напряженно трудятся, гоняясь за кузнечиками по залитым солнцем холмам Малой Азии и по жесткости не уступают скаковым лошадям.

В Турции практически нет коров, и потому говядина, как правило, плохая. Бифштекс из филейной части — это все, что осталось от одного из черных, грязных буйволов с грустными глазами и загнутыми к спине рогами, которые робко пробираются по улицам, волоча свои повозки... От жевания или разжевывания мои челюстные мышцы начинают бугриться, как у бульдога.

Рыба хороша, но рыба полезна для головного мозга, и любой человек, съев три приличные порции полезной для мозга пищи, уберется из Константинополя, даже если для этого ему придется пуститься вплавь.

В Констане отмечают сто шестьдесят восемь законных праздников. Каждую пятницу — мусульманский праздник, каждую субботу — еврейский, каждое воскресенье — христианский. Кроме того, на неделе есть различные католические и магометанские праздники. В результате мечта жизни каждого молодого констанца — работа в банке.

В Константинополе все, кто хоть мало-мальски делает вид, что придерживается обычаев, обедает не раньше девяти вечера. Театры открываются в десять. Ночные клубы, те, что поприличнее, открываются в два часа. Сомнительные ночные клубы открываются в четыре часа утра.

Всю ночь торговцы горячими сосисками, жареным картофелем и каштанами, расположившись на тротуарах, растапливают древесным углем свои жаровни, обслуживая вереницы извозчиков, которые не спят до самого утра, вымогая у кутил плату за проезд.

В Галате¹, расположенной на полпути от порта к вершине холма, есть район куды более ужасный, чем Барбари коуст² в

---

¹ Галата — основной торговый район Константинополя (Стамбула).

² Название бывшего злочного района Сан-Франциско (по ассоциации с Варбари коуст, пиратским центром на севере Африки).

зените его непристойной славы. Это злчное гнездо заманивает в свои сети солдат и матросов всех армий и государств.

Круглые сутки турки сидят возле разбросанных по тупичкам крошечных кофейных, попыхивают булькающими курительными трубками и потягивают «дьюсико» — чрезвычайно противный, вредный для желудка напиток, который ударяет в голову посильнее абсента и так крепок, что пить его можно только с какой-нибудь *hors d'oeuvre*¹.

Утром до восхода солнца можно пройтись по прокопченным, укатанным улицам Констана — вокруг никого, только крысы, трусливо убегающие при звуке ваших шагов, несколько роющих в мусоре бездомных собак да полоска света, пробивающегося через щель в ставнях, за которыми слышится пьяный смех. Этот пьяный смех контрастирует с красивым, минорным, парящим, завораживающим призывом муэдзина к молитве, а мрачные, скользкие, пахнущие отбросами улицы утреннего Константинополя — прозаическая действительность очарования Востока.

*«Торонто стар уикли»,
28 октября 1922 г.*

СКАЗКА О ХОРОШЕМ ЛЬВЕ

Жил-был когда-то лев, который обитал в Африке по соседству со всеми прочими львами. Но прочие львы были плохими и каждый день они ели зебр, гну и других антилоп. Время от времени плохие львы не брезговали и людьми. Но особенно им нравились купцы-индусы, потому что все они были очень упитанны и восхитительны на львиный вкус.

Но этот любимый нами лев был таким хорошим, что на спине у него выросли крылья. И из-за этих самых крыльев все прочие львы смеялись над ним.

— Взгляните-ка на этого, с крыльями на спине, — говорили они и покатывались со смеху.

— Посмотрите только что он ест.

А хороший лев питался одними макаронами да омарами, уж такой он был хороший.

Плохие львы, насмеявшись вволю, съедали очередного купца-индуса, а их жены лакали кровь, жадно причмокивая

---

¹ Закуска (франц.).

языками подобно огромным кошкам. Они отвлекались лишь для того, чтобы порычать или посмеяться над хорошим львом, или поворчать по поводу его крыльев. Они и вправду были очень плохими и злыми львами.

Хороший же лев сядет, бывало, сложив крылья, и вежливо спросит, нельзя ли ему получить коктейль непрони или американо, которые всегда предпочитал крови индусских купцов. Однажды он отказался есть мясо коров из стада Масаи и ограничился домашней лапшой и стаканчиком томатного сока.

Случай этот привел злых львов в ярость, и одна из львиц, отличавшаяся особенно крутым нравом, таким крутым, что кровь купцов-индусов не сходила с ее усов даже после того, как она долго терлась мордой о траву, сказала: «Кто ты, собственно, такой, чтобы считать себя лучше нас? Откуда ты взялся, макаронник?! И вообще, что тебе здесь надо?» Так рычала она на него, и все львы вторили ей своим грозным рыком.

«Мой отец живет в большом городе, где он стоит под бапней с часами и взирает на тысячи голубей, и все они его подданные. Когда они взлетают, то шум их крыльев напоминает рокот стремительной реки. Дворцов в том городе поболее, чем во всей Африке, и прямо перед отцом стоят четыре бронзовых коня с приподнятой ногой в знак благоговейного трепета.

«В городе моего отца люди передвигаются только пешком или в лодках, и ни одна живая лошадь не осмелится войти в город».

— Твой отец грифон, — сказала злая львица, облизывая усы.

— Ты лжец, — сказал один из львов, — нет такого города.

— Дайте мне кусок купца-индуса, — сказал другой лев, — эти коровы слишком свежие.

— Ты дрянной обманщик, — сказала самая злая из львиц, — и сейчас я убью тебя и съем вместе с крыльями и прочими потрохами.

Слова эти не на шутку испугали хорошего льва. Он видел ее желтые глаза, и поднятый хвост, и запекающуюся на усах кровь, и почувствовал ее отвратительное дыхание, потому что она никогда не чистила зубы. Да к тому же под когтями львицы все еще оставались куски мяса купца-индуса.

— Не убивай меня, — сказал хороший лев. — Отец мой был благородным львом и его всегда уважали, и все, что я сказал, — правда.

И в то же мгновение злая львица бросилась на него. Но он поднялся в воздух на своих крыльях и сделал круг над злыми львами, которые, задрав морды, рычали на него. Он посмотрел на них сверху и подумал: «Ну что за дикари!»

Чтобы заставить их рычать погромче, он облетел львов еще разок. Потом спикировал и заглянул в глаза злой львицы, которая, встав на задние лапы, попыталась поймать его. «Adios», — сказал он, поскольку, будучи львом-эрудитом, прекрасно говорил по-испански. «Au revoir», — бросил он всем остальным на безупречном французском языке.

И львы зарычали и заворчали на него на африканском львином диалекте.

Затем хороший лев сделал несколько крутов вверх и взял курс на Венецию. Он приземлился на площади, и все ужасно обрадовались, увидев его. Лев ненадолго оставил друзей, снова взлетел, расцеловал своего отца в обе щеки и убедился, что Базилика по-прежнему красивее и воздушнее мыльного пузыря. Колокольня стояла на том же месте; и голуби устраивались на вечер в своих гнездах.

— Как тебе понравилась Африка? — спросил отец.

— Дикое место, папа, — ответил хороший лев.

— А у нас теперь ночное освещение, — сказал отец.

— В самом деле, — ответил хороший лев, как и подобает послушному сыну.

— Правда, у меня от него побаливают глаза, — доверительно сказал отец. — Куда ты теперь, сын мой?

— В Хэрис Бар, — сказал хороший лев.

— Передай от меня привет Чиприани и скажи, что я загляну к нему как-нибудь и оплачу счет, — сказал отец.

— Да, папа, — сказал хороший лев. Он проворно слетел вниз и, встав на все четыре лапы, направился в Хэрис Бар.

У Чиприани ничего не изменилось. Все его друзья были там.

— Стаканчик негрони, синьор барон? — спросил господин Чиприани.

Но хороший лев прилетел аж из самой Африки, и Африка сделала его другим львом.

— Нет ли у вас бутербродов с купцом-индусом? — спросил он Чиприани.

— Нет, но я могу достать для вас.

— А пока их не принесли, дайте-ка мне сухой martini, — добавил он, — с джином Гордонс.

— Очень хорошо, — сказал Чиприани. — Отлично.

Тем временем лев отгляделся по сторонам на лица приятных, знакомых людей и понял, что он у себя дома, да к тому же ему удалось попутешествовать. Он был очень счастлив.

*«Холидэй»,
март 1951 г.*

О ПИСАТЕЛЬСТВЕ

Становилось жарко, солнце припекало затылок.

Одну хорошую форель Ник уже поймал. Много форели ему ни к чему. Речка стала мелкой и широкой. По обоим берегам росли деревья. При утреннем солнце деревья у левого берега отбрасывали на воду короткие тени. Ник знал: под каждой такой тенью пряталась форель. Однажды жарким днем он и Билл Смит обнаружили это на Блэк Ривер. В полдень, когда солнце окажется над холмами, форель будет прятаться в прохладной тени другого берега.

Рыба покрупнее всегда держится ближе к берегу. Именно там ловили они на Блэк Ривер. Открытие это сделали Билл и он. Потом, когда солнце садилось, форель выходила на открытое место. Перед самым заходом, когда солнечные блики слепили глаза, крупные рыбы попадались на открытом месте. Но поймать их было почти невозможно, потому что поверхность реки слепила как зеркало на солнце. Конечно, можно было ловить против течения, но на такой реке, как эта или Блэк Ривер, не так-то просто идти против течения, а в местах поглубже вода сбивает с ног. Ловить рыбу против течения совсем не интересно, хотя во всех книгах говорится, что это единственный способ.

Книги. В былые времена он и Билл находили в книгах немало забавного. В них всегда было много надуманного. Как охота на лис. В Париже дантист Билла Бёрда говорил, что при ловле на блесну ты тягнешься смекалкой с рыбой. Я всегда так думал, говорил Эзра. Что ж, здесь было над чем посмеяться. Вообще вокруг было столько всего смешного. В Штатах смеялись над боем быков. Эзра посмеивался над рыбной ловлей. Многие люди не могут серьезно относиться к поэзии. Англичане тоже кажутся смешными.

Помнится, в Памплоне нас вытолкнули за барьер прямо к быку, потому что приняли за французов. С другой стороны, дантист Билла скверно относится к рыбной ловле. Когда-то, говоря Билл, он имел в виду Билла Смита. Теперь это имя означало Билла Бёрда.

Женившись, он потерял Билла Смита, Одгара, Ги — всех старых друзей. Возможно, это случилось потому, что они никогда не спали с женщиной. Правда, о Ги этого не скажешь. Нет, дело не в этом. Женившись, он признал, что есть вещи поважнее рыбной ловли.

Все началось с него. До встречи с ним Билл вообще не увлекался рыбной ловлей. А потом они всюду бывали вместе. На Блэк Ривер, Стерджн, Пайн Барренс и Аппер Минни — на всех речушках. Он и Билл вместе постигали секреты рыбной ловли.

Они работали на ферме и ловили рыбу и с июня по октябрь частенько уходили далеко в лес. Каждую весну Билл брал расчет. А Эзра смеялся над рыбной ловлей.

Билл простил ему все то время, что он потратил на рыбалку до их встречи. Он простил ему все его речки. В этом было что-то, напоминающее отношение твоей девушки ко всем ее предшественницам. Если они были до нее, то это не имело значения. А вот после — совсем другое дело.

Вот почему он потерял их, подумал он.

Они все были женаты на рыбной ловле. А Эзра считал ее пустой забавой. Многие так считали. Он был женат на рыбной ловле еще до женитьбы на Елене. Именно женат. Какие уж тут шутки!

Итак, он потерял их всех. Елена думала, это случилось из-за того, что они ее недолюбливали.

Ник сел в тени на валун и опустил мешок в речку. По обеим сторонам валуна бурлила вода. В тени было прохладно. Берег здесь был песчаным и на песке виднелись следы норки.

Он может немного отдохнуть от жары. Камень был сухой и прохладный. Он уселся на него с ногами, и вода с ботинок стекала по покатому боку валуна.

Елена думала, это случилось из-за того, что они ее недолюбливали. Она действительно так думала. Боже, с каким ужасом смотрел он на тех, кто собирался жениться. Смешно. Возможно, это потому, что у него всегда были друзья постарше, из тех, что никогда не женятся.

Одгар хотел жениться на Кэт. А Кэт вообще не хотела замуж. Они вечно ссорились из-за этого, но Одгар хотел только ее, а Кэт никто не был нужен. Она хотела, чтобы они оставались просто хорошими друзьями, и Одгар хотел того же, и они были несчастливы и постоянно ссорились.

Весь этот аскетизм насаждала Мадам. Ги ездил к девочкам в Кливленд. Да и сам Ник был не безгрешен. Но все это было ненастоящее.

Настоящее чувство он отдавал рыбной ловле и лету.

Только это он и любил по-настоящему. Осенью он любил копать картошку с Биллом, путешествовать на машине, ловить рыбу в заливе, в жаркие дни читать, лежа в гамаке, нырять с пирса, играть в бейсбол в Шарльвуа и Петоски, жить на заливе, любил стряпню Мадам и ее обращение с прислугой, любил есть в столовой, глядя в окно на бескрайние поля и уходящий в залив мыс, болтать с Мадам, выпивать с отцом Билла, ловить рыбу вдали от фермы, просто валяться без дела.

Он любил долгое лето. Ему становилось тоскливо, когда наступало первое августа, и он понимал, что оставалось всего

четыре недели до окончания сезона ловли форели. Теперь он иногда видел это во сне. Ему снилось, что лето кончается, а он так ни разу и не выбрался на рыбалку. Даже во сне ему делалось тоскливо, словно он находился в тюрьме.

Холмы в нижней части озера Уаллун, штормы, через которые пробиваешься на моторке, держа зонтик над двигателем, чтобы волна не захлестнула свечу зажигания, выкачивание воды, доставка овощей через озеро в сильный шторм, когда взмываешь вверх, соскальзываешь вниз, а сзади нависает волна, и снова назад с продуктами, почтой и чикагскими газетами под брезентом, и чтобы они не промокли, садишься на них, и штормит так, что трудно причалить, а потом обсыхаешь у камина и идешь за молоком босиком по мокрой хвое и слышишь шум ветра в лесу. Утром встаешь на рассвете, и отправляешься на vesлах через озеро, и дальше пешком через холмы, чтобы ловить рыбу в Хортонс Крик сразу после дождя.

В этой реке хорошо ловилось после дождя. Зато другую речку, Шульц, дождь только портит. Она становилась мутной, разливалась и растекалась по траве. Где уж в такой реке найти форель?

Именно там, удирая от быка, он перемахнул через забор и потерял кошелек с ключами.

Если бы тогда он разбирался в быках так, как теперь. Где сейчас Маэра и Альгабено? Август — феерия в Валенсии, Сантандере, острые схватки в Сан-Себастьяне. Санчес Мехиас убивает шесть быков. Несмотря на его злополучные промахи, при пасо натураль. Чтобы отделаться от газетных клише о бое быков, ему пришлось вовсе прекратить читать газеты. Коррида в Мьюрасе. Цветок Андалусии. Хуан Терремото. Бельмонте Вуелве?

Младший брат Маэры теперь матадор. Так-то вот.

Однажды целый год его не интересовало ничего, кроме боя быков. Чинк бледнел, ему делалось скверно при виде лошадей. Дон говорил, что его они не трогали. «А потом вдруг я понял, что полюбил бой быков». Должно быть, это сделал Маэра. Маэра был величайший из матадоров.

Он, Ник, был другом Маэры, и Маэра помахал им из ложи 87, находившейся над ними, и подождал, пока Елена заметит его, и помахал снова, и Елена боготворила его, и в той же ложе было еще три пикадора, а другие пикадоры делали свое дело внизу прямо перед ложей и всякий раз, продавав что-то, смотрели вверх и приветственно махали рукой, и он сказал Елене, что пикадоры работали только друг для друга, и так оно и было. Он никогда не видел лучшей работы, и трое пикадоров в ложе,

сидя в своих широкополых шляпах, кивали при каждом хорошем ударе, а те, что были на арене, приветственно махали им и продолжали делать свое дело. Совсем как в тот раз, когда работал португалец, и старый пикадор бросил на арену свою шляпу и, перегнувшись через барьер, смотрел на молодого Да Вейга. Грустное это было зрелище. Тучному пикадору хотелось походить на португальца — кабальеро эн пласа. Бог мой, как держался в седле этот мальчишка, Да Вейга! Что за всадник! Правда, в кино он плохо получался.

Кино все портило. Равно как и разговоры. Вот почему о войне сложилось неправильное впечатление. Слишком много болтовни.

Говорить много о чем бы то ни было всегда плохо. Писать о действительно существующих вещах тоже плохо. Только все портишь.

Если что и было написано хорошего, то все это придумано — плод воображения. Именно поэтому все оказывалось правдой. Как, например, когда он написал рассказ «Мой старик», ему ни разу не доводилось видеть гибели жокея, и на следующей неделе Джордж Парфремент погиб в таком же прыжке, и все выглядело точно, как в рассказе. Все, что им было написано хорошего, он придумал. Ничего этого в действительности не происходило.

В жизни происходило совсем другое. Возможно, в жизни все было лучше. Вот чего не могли понять его родители. Они думали, что все это пережито им самим.

В этом была слабость Джойса. Дедал в романе «Улисс» — сам Джойс, и поэтому он получился ужасно. Джойс создал чертовски нереальный и заумный образ. Зато Блума Джойс придумал, и Блум получился великолепно. Миссис Блум также плод фантазии Джойса. И она получилась лучше всего.

То же относится к Маку. Мак слишком многое брал из жизни. Сперва нужно переварить жизнь, а уж потом создавать своих героев. Правда, Маку было о чем рассказать.

Ник в рассказах никогда не был самим собой. Он его выдумал. Конечно же, он не видел, как рожала индианка. Именно поэтому рассказ удался. Этого никто не знал. Он видел, как рожала женщина на дороге в Карагач, и пытался помочь ей. Вот как все получилось.

Если бы он всегда писал так. Когда-нибудь у него это получится. Он хотел стать большим писателем. И он им станет почти наверняка. Он это чувствует. Станет, чего бы это ни стоило. Правда, это не просто.

Трудно быть большим писателем, если ты любишь мир и жизнь, и особенно людей. Трудно, когда любишь столько разных мест. Ты полон сил и энергии и умеешь повеселиться, и какого черта корпеть.

Ему всегда лучше работалось, когда Елене нездоровилось. Немного недовольства и трения не помешает в работе. Бывали времена, когда ему приходилось писать. Дело не в сознании. Перистальтическая деятельность. Временами казалось, он никогда уже не сможет писать, но это проходило, и он знал, что рано или поздно напишет еще один хороший рассказ.

Ничто не доставляло ему большего удовольствия. Вот почему он писал. Раньше он не отдавал себе в этом отчета. Дело не в сознании. Просто он получал огромное удовольствие. В этом он находил самые острые ощущения. Правда, писать хорошо — дьявольски трудное дело.

Существует так много трюков.

Писать легко, если пользуешься трюками. Все ими пользуются. Джойс придумал сотни новых трюков. Но новизна не сделала их лучше. Все они превращались в клише.

Он хотел писать так, как рисовал Сезанн.

Сезанн тоже начинал с трюков. Потом он напрочь отказался от них и создал подлинные произведения искусства. Это было чертовски трудно. Он был величайшим мастером. И останется им навечно. Это не культ. Он, Ник, хотел писать о природе так, как это сделал в своих картинах Сезанн. Такое можно извлечь только из глубины души. Тут нет никаких трюков. Никому до него не удавалось так писать природу. Он почти благоговел перед Сезанном. Это было искусство, без дураков. Такое давалось только с боем. Если умеешь видеть по-своему.

Об этом не расскажешь. Он собирался работать, пока не добьется. Возможно, ему это не удастся, но он почувствует, когда будет близок к цели. Это труд. Может быть, на всю жизнь.

Писать о людях просто. Заумное изящество — тоже просто. В пике нашей эпохе примитивы небоскребов. Каммингс, когда он изощряется, это механическая писанина, но только не «Огромная комната» — это настоящая книга, одна из лучших. Каммингсу она далась нелегко.

Кто еще? В ранних работах Эша было что-то. Но он испортился. Многие исписываются быстро, а начинают хорошо. Дон Стюарт держался дольше других. Пожалуй, его можно поставить следующим после Каммингса. Возможно, также Ринг Ларднер. Очень возможно. Да еще старики, такие, как Шервуд. Такие, как Драйзер. Кто еще? Начинающие. Великие безымянные. Впрочем, безымянных не бывает.

Они не ставили перед собой такой цели, как он.

Он чувствовал Сезанна. Портрет у Гертруды Стайн. Уж она бы поняла, если б он сумел докопаться до сути. Два полотна из Люксембурга, те, что он каждый день видел на временной выставке в музее. Солдаты раздеваются перед купанием, дом проглядывает через деревья, одно дерево и дом вдаль, но не тот, что у озера. Портрет мальчика. Люди у Сезанна тоже получались. Но это уже было не так трудно, пейзажи научили его писать людей. У Ника это тоже получалось. Людей писать легче. Ведь их никто не знает. И если написано хорошо, то тебе верят на слово. Джойсу тоже верили на слово.

Он видел, как Сезанн написал бы этот участок реки. Боже, если бы только он оказался здесь! Но он умер, вот в чем все дело. Такие, как он, работали всю жизнь, а потом старились и умирали. Представляя себе, как написал бы Сезанн этот участок реки и болото, Ник встал с камня и ступил в воду. Вода была холодная и настоящая. Он пошел вброд через речку, входя в картину Сезанна. Дойдя до берега, он опустился на колени на галечник и сунул руку в мешок с форелью. Форель еще шевелилась. Ник открыл мешок, выпустил форель на мелководье и стал смотреть, как, наполовину скрытая водой, рыба пробирается меж камней по мели на глубокое место.

— Она великовата для ужина, — сказал Ник. — Я поймал пару небольших форелей поближе к лагерю.

Он вскарабкался по берегу реки и, сматывая лесу, стал пробираться через валежник. Ник съел сэндвич. Он спешил, и удилище мешало ему. Он ни о чем не думал. Он старался сохранить в памяти увиденное. Он хотел побыстрее добраться до лагеря и приступить к работе.

Он шел через валежник, прижимая к себе удилище. Леса зацепилась за ветку. Ник остановился, обрезал вожак и сматал оставшуюся лесу. Теперь он держал удилище перед собой, и идти было легче.

Прямо перед ним на тропинке лежал заяц. Недовольно ворча, он остановился. Заяц едва дышал. К голове зайца присосались два клеща, по одному за каждым ухом. Они были серые, налитые кровью, крупные, как виноградины. Ник отодрал их, головки клещей были крохотные и жадные, и они перебирали лапками. Он бросил их на тропинку и раздавил.

Ник поднял зайца, вялого, с тусклыми, как пуговины, глазами, и положил его под росший у тропинки куст папоротника. Когда он поднял зайца, он почувствовал, как бьется его сердце. Заяц, не двигаясь, лежал под кустом. Может быть, он еще придет в себя, подумал Ник. Должно быть, клещи вцепились в

него, когда он притаился в траве. А может быть, когда скакал по полю. Кто его знает.

Он пошел дальше по тропинке по направлению к лагерю. Он старался удержать в памяти увиденное.

ПОСЛЕДНЕЕ ХОРОШЕЕ МЕСТО

Самая трудная и скверная часть пути осталась позади. Нику не раз приходилось перелезать через стволы поваленных деревьев, доходившие ему до пояса, а то и поднимавшиеся выше головы. Он клал винтовку на ствол, подсаживал сестру, и она соскальзывала на землю с другой стороны, или он спрыгивал первый и помогал ей. Они пробирались через залежи валежника, и в зарослях было жарко, и цветень амброзии и древесная труха оседали на волосах и лице сестры, заставляя ее чихать.

— Проклятые завалы, — сказала она Нику. Они отдыхали на огромном поваленном дереве, усевшись на том месте, где лесорубы оставили на стволе кольцевой надрез. Надрез и само гниющее дерево были серого цвета, и вокруг были одни длинные серые стволы, и такой же серый кустарник, и ярко-зеленые заросли никчемного сорняка.

— Теперь уже все, — сказал Ник.

— Я ненавижу завалы, — сказала сестра. — А эти отвратительные сорняки похожи на цветы на запущенном кладбище деревьев.

— Теперь тебе ясно, почему я не хотел пробираться здесь в темноте?

— Мы бы не прошли.

— Нет. И вряд ли кто станет преследовать нас здесь. Дальше будет хороший лес.

Они вышли из прогретых жарким солнцем зарослей в тень высоких деревьев. Лесные завалы поднимались до самого гребня холма и даже переваливали через него, и лишь потом начинался лес. Почва здесь была бурого цвета, упругая и прохладная. Подлеска не было, и первые ветви на стволах росли футах в шестидесяти от земли. В тени таких деревьев было прохладно, и высоко в кронах Ник слышал шум поднимающегося ветра. Солнце сюда не проникало, и Ник знал, что его лучи пробьются через высокие кроны не раньше полудня. Сестра его шла рядом, и он держал ее за руку.

— Я не боюсь, Ники. Но у меня какое-то странное чувство.

— У меня тоже, — сказал Ник. — Всегда.
— Я впервые в таком лесу.
— Это единственное место, где остался девственный лес.
— Он долго тянется?
— Порядком.
— Я бы побоялась идти здесь одна.
— У меня странное чувство, но я не боюсь.
— Я это первая сказала.
— Знаю. Наверное, мы говорим так, потому что нам страшно.
— Нет. С тобой мне не страшно. Но одна бы я испугалась. Ты бывал здесь с кем-нибудь?
— Нет. Только один.
— И не боялся?
— Нет. Но у меня всегда было странное ощущение. Как будто я в церкви.
— Ники, там, где мы будем жить, не так мрачно, как здесь?
— Нет. Не беспокойся. Там очень светло. Тебе должно понравиться, малышка. Тебе это на пользу. В старые времена леса были именно такими. Это, пожалуй, последнее хорошее место. Сюда никогда никто не добирался.
— Мне нравятся старые времена. Только уж очень тут темно. Но места чудные. Я думала, за нашим домом хорошо. Но здесь лучше. Ники, ты веришь в бога? Можешь не отвечать, если не хочешь.
— Не знаю.
— Ладно. Не говори. Но ты не против, если я буду молиться на ночь?
— Нет. Я даже напомню, если ты забудешь.
— Спасибо. А то в этом лесу чувствуешь себя очень набожной.
— Поэтому все соборы строятся такими.
— Ты когда-нибудь видел собор?
— Нет. Но я читал о соборах и могу себе их представить. Но этот самый лучший в округе.
— Как ты думаешь, когда-нибудь мы сможем поехать в Европу и увидеть соборы?
— Конечно, поедem. Но сначала мне нужно выкрутиться из этой истории и научиться зарабатывать.
— А ты сможешь зарабатывать как писатель?
— Если буду писать хорошо.
— Может быть, тебе для этого нужно писать чуточку жизнерадостнее? Я так не думаю. Но наша мама сказала, что ты пишешь обо всем в мрачном свете.

— Слишком мрачном для «Сант Николоса», — сказал Ник. — Они мне этого не сказали, но рассказы им не понравились.

— Но «Сант Николос» наш любимый журнал.

— Знаю, — сказал Ник. — Но для него я уже пишу слишком мрачно. А ведь я еще не стал взрослым.

— Когда мужчина становится взрослым? Когда женится?

— Нет. Пока ты не вырос, тебя хотят упрятать в исправительную колонию. А потом ты подрастаешь для тюрьмы.

— Тогда я рада, что ты еще не взрослый.

— Никуда они меня не упрячут, — сказал Ник. — Давай поговорим о чем-нибудь веселом, хоть я и пишу мрачно.

— Я тебе этого не говорила.

— Знаю. Зато другие говорят.

Они шли по вытянувшемуся склону холма, когда впереди между стволами деревьев проглянуло солнце. Здесь, на окраине дикого леса, появилась зимолубка и митчелла, и лесная почва ожила, зазеленела. За древесными стволами угадывался открытый луг, спускавшийся к ручью, вдоль которого росли белые березы. Ниже за лугом начинался темно-зеленый толкий кедровник и еще дальше темно-синие холмы. Между болотом и холмами вклинился узкий рукав озера. Но отсюда его не было видно.

— Вот и родник, — сказал Ник сестре. — А там и камни, где я устраивал привал.

— Как тут красиво, Ники, — сказала сестра. — И озеро тоже видно?

— Вон оттуда. Но лучше остановиться здесь. Я принесу хворост, и мы приготовим завтрак.

— Камни у кострищ тоже с давних времен?

— Это древняя стоянка, — сказал Ник. — Камни принадлежали индейцам.

— Как тебе удалось выйти сюда напрямик, без троп и зарубок?

— Разве ты не заметила указательные ветки на гребнях холмов?

— Нет.

— Я покажу их тебе как-нибудь.

— Ты их поставил?

— Нет. Они тоже старинные.

— Что же ты мне их не показал?

— Не знаю, — сказал Ник. — Наверное, хотел порисоваться

— Ники, они ни за что не найдут нас здесь.

— Надеюсь, — сказал Ник.

Примерно в то же время, когда Ник с сестрой преодолевали первый лесной завал, на веранде дома, стоявшего над озером в тени деревьев, проснулся разбуженный солнцем инспектор. Солнце показалось над открытой местностью за домом и распласталось на лице инспектора.

Ночью инспектор вставал попить, а вернувшись с кухни, улегся на полу, подложив под голову подушечку с одного из кресел. Теперь он проснулся, вспомнил, где находится, и встал. Слева у него под мышкой висела кобура со смит-и-вессоном тридцать восьмого калибра, и всю ночь инспектор пролежал на правом боку. Проснувшись, он нащупал револьвер, отвернулся от солнца, больно слепившего глаза, вышел в кухню и зачерпнул воды из бадьи возле кухонного стола. Служанка растапливала плиту, и инспектор спросил ее: «Как насчет завтрака?»

— Нет завтрака, — ответила служанка. Она ночевала в лачуге за домом и пришла на кухню всего полчаса назад. Увидев на полу веранды инспектора, а рядом на столе почти пустую бутылку виски, она сначала почувствовала испуг, потом отвращение, а потом разозлилась.

— То есть как нет завтрака? — спросил инспектор, не выиская из рук черпак.

— А вот так.

— Почему?

— Есть нечего.

— А кофе?

— Нет кофе.

— Чай?

— И чая нет. Нет ни бекона, ни кукурузной муки, ни соли, ни перца, ни кофе, ни сливок в банках, ни гречишной муки. Ничего нет.

— О чем это ты? Еще вечером здесь было полно еды.

— Было да сплыло. Должно быть, бурундуки все стащили.

Услышав их голоса, проснулся и вышел на кухню инспектор из центра.

— Голова с утра не болит? — спросила его служанка.

Инспектор не обратил на нее внимания и сказал:

— Что случилось, Эванс?

— Этот сукин сын был здесь ночью и прихватил целый мешок жратвы.

— Не выражайтесь у меня на кухне, — сказала служанка.

— Иди сюда, — сказал инспектор из центра, и они оба вышли на веранду и прикрыли за собой дверь.

— Что это такое, Эванс? — инспектор из центра показал на полупустую бутылку «Олд грин ривер». — Напился в стельку?

— Я пил не больше твоего. Потом сидел за столом...

— И что делал?

— Ждал, не появится ли этот проклятый мальчишка Адамса.

— И пил.

— Нет, не пил. Около половины пятого я пошел на кухню попить воды и прилег отдохнуть здесь под дверью.

— Почему же ты не лег у двери на кухню?

— Отсюда я бы его скорее заметил.

— И что дальше?

— Должно быть, он пролез на кухню через окно и набил полный мешок жратвы.

— Дерьмо.

— А где ты был? — спросил местный инспектор.

— Дрых так же, как и ты.

— О'кей. Не будем ссориться. Лучше от этого не станет.

— Позови служанку.

Вошла служанка, и тот, что из центра, сказал: «Передай миссис Адамс, мы хотим поговорить с ней».

Служанка молча скрылась в жилой части дома, прикрыв за собой дверь.

— Лучше собери бутылки, — сказал инспектор из центра. — Выпьешь?

— Нет, спасибо. Мне сегодня работать.

— А я глотну, пожалуй, — сказал тот, что из центра. — Чтобы было поровну.

— Не пил я после того, как ты ушел спать, — упрямо повторил местный инспектор.

— Не надоело тебе чушь нести?

— Это не чушь.

Инспектор из центра поставил бутылку.

— Ну, — обратился он к вернувшейся служанке, — Что она сказала?

— У нее мигрень, и она не может к вам выйти. Она говорит, у вас есть ордер на арест. Можете, если хотите, обыскать дом, а потом уходите.

— Что она сказала про сына?

— Она его не видела и ничего о нем не знает.

— Где остальные дети?

— Поехали в гости в Шарльвуа.

— К кому?

— Не знаю. И она не знает. Поехали на танцы и собирались остаться на субботу у друзей.

— Что за девчонка крутилась здесь вчера?

— Не видела я никого.

— Брось.

— Наверное, какая-нибудь подружка спрашивала ребят. Может быть, из отдыхающих. Девочка, говорите?

— Девчонка лет одиннадцати-двенадцати. Каштановые волосы, карие глаза. Очень заторелая. В комбинезоне и мальчишковой рубашке. Босиком.

— Мог быть кто угодно, — сказала служанка. — Говорите, лет одиннадцати или двенадцати?

— Ну и дерьмо, — сказал тот, что из центра. — Из этих недоносков ничего не вытянешь.

— Если я недоносок, то он кто? — Служанка посмотрела на местного инспектора. — Кто мистер Эванс? Я училась в одной школе с его детьми.

— Кто была эта девочка? — спросил Эванс. — Ну же, Сузи. Я все равно узнаю.

— Почему я знаю, — ответила служанка Сузи. — Мало ли здесь народу болтается. Мне даже кажется, я живу в большом городе.

— Ты ведь не хочешь нажить себе неприятности, Сузи? — спросил Эванс.

— Нет, сэр.

— Я не шучу.

— А вы не хотите нажить себе неприятности? — спросила его Сузи.

В конюшне, после того как они запрягли лошадей, инспектор из центра сказал:

— Кажется, мы дали маху, а?

— Сбежал он, — сказал Эванс. — У него полно жратвы и, должно быть, винтовка. Но он недалеко. Я его возьму. Ты можешь идти по следу?

— Нет. А ты?

— Разве что в снегу, — засмеялся второй инспектор.

— Но нам ни к чему идти по следу. Нужно пораскинуть, куда он мог скрыться...

Сузи вышла во двор, когда они открывали ворота.

— Не подбросите меня до лавки? Хочу купить кое-что из продуктов.

— Откуда тебе известно, что мы едем в лавку?

- Вы вчера говорили о мистере Паккарде.
- Ладно. Полежай,— сказал местный инспектор.
- Спасибо, мистер Эванс,— сказала Сузи.

Возле универсальной лавки и почты Эванс привязал упряжку у кормушки, и, перед тем как войти, оба инспектора задержались поговорить.

- При этой чертовой Сузи я ничего не мог тебе сказать.
- Конечно.
- Паккард — прекрасный человек. Самый уважаемый в округе. Тебе ни за что не удастся пришить ему это дело с форелью. Он никого не испугается, и нам ни к чему с ним ссориться.
- По-твоему, он поможет?
- Если будешь обходителен.
- Пойдем, побеседуем с ним.

Войдя в лавку, Сузи, не останавливаясь, прошла мимо застекленных витрин, открытых бочонков, ящиков, полок с консервами прямо к почтовой конторе с окошечком для выдачи почты до востребования и продажи марок. Окошечко было закрыто, и она зашла в служебное отделение. Мистер Паккард вскрывал ломом деревянный ящик. Он взглянул на нее и улыбнулся.

— Мистер Джон,— быстро проговорила она,— сейчас войдут два инспектора. Они охотятся за Ником. Он сбежал вчера вечером вместе со своей сестренкой. Не выдавайте его. Мать Ника все знает и ничего не скажет.

- Он прихватил все ваши запасы?
- Почти.
- Выбери что тебе нужно и составь список, потом мы вместе проверим.
- Они сейчас войдут.
- Выйди через черный ход и войди снова в лавку. Я пойду их встречу.

Мистер Джон думал о Нике, когда вышел к прилавку, где его поджидали два инспектора. Он внимательно оглядел их, и они оба ему не понравились. Ему давно не нравился местный инспектор Эванс, и мистер Джон никогда не уважал его, но он сразу почувствовал, как опасен инспектор, приехавший из центра. Он еще не понял, почему, но ему достаточно было увидеть тупой взгляд и сжатые плотнее, чем у простого жевальщика табака, тонкие губы. На цепочке от часов инспектора висел настоящий зуб лося. Клык пятилетнего самца и вправду был очень хорош. Великолепный клык, и мистер Джон посмотрел на него еще раз, а потом перевел взгляд на оттопыренный кобурой пиджак.

— Уж не из этой ли пушки ты подстрелил лося? — спросил мистер Джон.

Инспектор из центра неодобрительно посмотрел на мистера Джона.

— Нет, — сказал он. — Я убил его в Вайоминге из винчестера калибра 45-70.

— Выходит, ты большой человек? — сказал мистер Джон. Он заглянул под прилавок и добавил: — И нога у тебя не маленькая. Неужели ты охотишься на детей с такой огромной пушкой?

— Значит, говорите, на детей, — сказал инспектор из центра. Счет был один ноль в его пользу.

— Я имел в виду мальчика, которого вы ищете.

— Но вы сказали, детей.

Мистер Джон решил наступать. Так было нужно.

— А что же прихватил с собой Эванс против паренька, который дважды отделал его сына? Должно быть, ты вооружен до зубов? А, Эванс? Ведь этот паренек может всыпать и тебе.

— А вы бы его привели, тогда бы мы посмотрели, — сказал Эванс.

— Вы сказали детей, мистер Джексон, — сказал тот, что из центра. — Почему?

— Глядя на тебя, молокососа, — сказал мистер Джон. — Ты, косопалый недоносок.

— Если хотите говорить в таком тоне, почему бы вам не выйти сюда из-за прилавка? — сказал инспектор из центра.

— Ты говоришь с начальником почтового отделения Соединенных Штатов, — сказал мистер Джон. — Причем без свидетелей, если не считать Эванса с физиономией дрозда. Ты, наверное, догадываешься, почему его зовут Эванс-дрозд. Смекаешь? Ты ведь детектив.

Мистер Джон был доволен. Он провел атаку и чувствовал себя теперь, как в прежние времена, еще до того, как он стал зарабатывать на жизнь приемом отдыхающих, которые, глаза на озеро, ворочались в грубых креслах на веранде принадлежащей ему гостиницы.

— Послушай, косопалый, я ведь тебя хорошо помню. Ты-то меня не узнаешь?

Инспектор из центра посмотрел на него, но не вспомнил.

— Я видел тебя в Шайенне в тот день, когда повесили Тома Хорна, — сказал мистер Джон. — Ты был одним из тех, что сфабриковали против него дело. Теперь вспомнил? Припоминаешь, кто был хозяином салуна в Медсин Боу, когда ты работал на тех, что подсунули Тому это дело? Уж не так ли ты докатился до теперешнего занятия? Может, память отшибло?

— Когда ты вернулся?
— Через два года после того, как они разделились с Томом.
— Будь я проклят.
— Помнишь, я дал тебе этот клык, когда мы сматывались из Грейбула?

— Конечно. Слушай, Джим, я должен найти этого парнишку.

— Меня зовут Джон, — сказал мистер Джон. — Джон Паккард. Зайди в контору и выпей. Хочешь познакомиться с этим типом? Его зовут Эванс — засохший плевок. Раньше мы звали его Эванс-дрозд, но я переименовал его по доброте душевной.

— Мистер Джон, — сказал Эванс. — Почему вы не хотите нам помочь?

— Я ведь только что дал тебе другое имя, — сказал мистер Джон. — Что же вам еще надо, ребята?

В конторе мистер Джон взял с нижней угловой полки бутылку и протянул ее инспектору из центра.

— Выпей, Косолапый, — сказал он. — Похоже, тебе это не помешает.

Они сделали по глотку, и мистер Джон спросил: «За что вы преследуете мальчишку?»

— Нарушение закона о правилах охоты, — сказал инспектор из центра.

— Какое именно нарушение?

— Двенадцатого числа прошлого месяца он подстрелил самца оленя.

— Двое вооруженных мужчин преследуют мальчишку, потому что двенадцатого числа прошлого месяца он убил оленя, — сказал мистер Джон.

— Были и другие нарушения.

— Но доказать вы можете только это.

— Возможно.

— Что еще он натворил?

— Много чего.

— Но у вас нет доказательств.

— Я этого не говорил, — сказал Эванс. — На этот раз у нас есть доказательства.

— И это случилось двенадцатого?

— Совершенно верно, — сказал Эванс.

— Может, ты лучше задашь несколько вопросов вместо того, чтобы отвечать на них? — сказал своему напарнику инспектор из центра.

Мистер Джон рассмеялся: «Оставь его, Косолапый, — сказал он. — Пусть сам пошевелит мозгами».

— Ты хорошо знаешь парня? — спросил инспектор из центра.

— Более чем.

— Имел с ним дело?

— Он иногда покупает здесь всякую всячину. Платит наличными.

— Где бы он мог скрыться?

— У него есть родственники в Оклахоме.

— Когда вы видели его в последний раз? — спросил Эванс.

— Хватит, Эванс, — сказал инспектор из центра. — Ты зря теряешь время. Спасибо за виски, Джим.

— Джон, — сказал мистер Паккард. — А как звать тебя, Косолапый?

— Портер. Генри Дж. Портер.

— Косолапый, не вздумай стрелять в мальчишку.

— Я посажу его за решетку.

— Ты всегда был кровожадным ублюдком.

— Пошли, Эванс, — сказал инспектор из центра. — Мы теряем время.

— Запомни мои слова, — очень сдержанно сказал мистер Джон.

— Сузи, — позвал мистер Джон. — Я хочу поговорить с тобой.

В конторе он сказал: «Расскажи мне все».

— Я же говорила. Они пришли за Ником и остались в доме ждать, пока он вернется. Когда они напились и уснули, Ники пробрался в дом, набил мешок съестным и сбежал. У него хватит еды недели на две, к тому же он прихватил винтовку. Младшая сестренка ушла вместе с ним.

— Она-то зачем?

— Не знаю, мистер Джон. По-моему, она хочет присмотреть за ним, чтобы Ники чего-нибудь не натворил. Ведь вы его знаете.

— Где они могли спрятаться?

— Одному богу известно, мистер Джон. Ники знает много мест.

— Не нравится мне тот, что пришел с Эвансом. Он вправду опасен.

— Соображает туговато.

— Притворяется. К тому же перебрал с вечера. Но соображает он хорошо и очень опасен. Я знал его когда-то.

— Что мне нужно делать?

— Ничего, Сузи. Дай знать, если что случится.

— Я возьму еще кое-что из продуктов, а вы проверьте... Мистер Джон, что они сделают с Ники?

— Это меня и беспокоит.

— Они поговаривали об исправительной колонии.

— И зачем только он убил этого самца?

— Он не хотел. Ники рассказывал мне, что вычитал в какой-то книге, как пуля проходит насквозь и не причиняет никакого вреда, только вызывает шок. Он сказал, это было ужасно глупо, но очень хотелось попробовать. И он выстрелил в самца, и пуля перебила хребет. Он страшно переживал. Он вообще жалел, что затеял это.

— Знаю... Кто мог сказать Эвансу?

— Должно быть, его сын проникнул. Он все время шпионит за Ником. Как ищейка. Он мог подглядывать за Ником. Скверный мальчишка, но выследить может кого угодно... Я думаю, он и сейчас идет по следу Ника,— сказала Сузи.

— Скорее всего Эванс оставил его дома помочь на ферме. Во всяком случае, пока Эванс не вернется домой, его можно не опасаться.

— Я возьму лодку, поеду домой и попрошу кого-нибудь из наших малышей узнать, не нанял ли Эванс помощника на ферму. Если да, значит, он спустил своего мальчишку.

Стояло чудесное утро. Небо было высоким и прозрачно-голубым, и облака еще не появились. Ник был счастлив с сестрой и думал о том, что как бы ни обернулась эта история, они могут прекрасно провести время. Он давно понял: есть лишь сегодняшний день — и этот день твой. И он будет твоим, пока не станет вчерашним, а на смену ему придет день завтрашний. Это главное, чему он уже научился.

Сегодня день выдался хорошим, и, возвращаясь в лагерь с винтовкой, Ник был счастлив, хотя тревога досаждала ему, как зацепившийся в кармане и то и дело больно колющий рыболовный крючок. Рюкзак они спрятали под навесом. Пока светло, медведи туда вряд ли наведуются, потому что днем они предпочитают лакомиться ягодами, растущими вокруг болота у подножия холма. Но бутылку виски Ник все же припрятал подальше за ручьем. Сестра еще не вернулась, и Ник сел на поваленное дерево, которое они решили пустить на дрова, и осмотрел винтовку. Они собирались пойти на тетеревов, и он открыл магазин и высыпал в ладонь длинненькие винтовочные патроны и убрал их в замшевую сумку, а потом набил магазин патронами с дробью двадцать второго калибра.

Он был готов. Но где же эта девчонка? Не кипятись, подумал он. Сам же сказал ей, чтобы не торопилась. Не нервничай. Но он явно нервничал и из-за этого злился сам на себя.

— Вот и я, — сказала сестра. — Извини, что так долго. Наверное, я слишком далеко забралась.

— Все в порядке, — сказал Ник. — Пойдем. Ты взяла судки.

— Ага, и подстилку тоже.

Они стали спускаться с холма к ручью. Ник внимательно осмотрел местность вверх по течению ручья и по склону холма. Сестра наблюдала за ним. Она положила судки в один из связанных вместе мешков и перекинула оба мешка через плечо. Ник шел впереди, держа в одной руке винтовку.

— Чудной ручей, — сказала сестра.

— Это самый большой из попадавшихся мне ручьев, — сказал Ник.

— Он слишком глубокий и мрачный для ручейка.

— Он образует новые ручьи, — сказал Ник, — и глубоко врезается в берега. Вода в нем ужасно холодная. Попробуй, малышка.

— Ого, — сказала она. В воде сводило пальцы.

— Солнце немного прогревает его, — сказал Ник. — Но лишь чуть-чуть. Мы будем охотиться вдоль ручья. Ниже по течению есть ягодник.

Они по-прежнему шли вдоль ручья. Ник осматривал берега. Он заметил и показал сестре следы норки, а потом они увидели рубиновые гребешки корольков. Занятые охотой на насекомых птички легко и грациозно сновали в ветвях кедров, и подойти к ним можно было совсем близко. Были здесь и спокойные, нежные, изысканные свиристели с волшебным, воскового цвета налетом на крылышках и хвостиках.

— Они самые красивые, Ники, — сказала сестра. — Красивее просто не бывает.

— Они похожи на тебя, — сказал он.

— Нет, Ники. Не смейся. Когда я смотрю на свиристелей, я чувствую себя такой счастливой, и мне хочется плакать.

Они пошли дальше, и неожиданно Ник вскинул винтовку и выстрелил раньше, чем сестра его заметила, куда он смотрит. Потом она услышала, как мечется, бьется о землю крыльями какая-то крупная птица. Она видела, как Ник перезарядил ружье и выстрелил еще два раза, и в ивовом кустарнике снова яростно захлопали крылья. Потом из ивовой кроны с шумом выпорхнули несколько больших коричневых птиц, и одна из них, пролетев совсем немного, уселась на соседнем дереве и, наклонив хохолок, уставилась вниз, туда, где все еще бились

подстреленные птицы. Усевшийся на красной иве тетерев был очень красивый, упитанный и крупный, и сейчас на ветке, наклонив хохолок и опустив головку, он выглядел очень растерянным. Пока Ник медленно поднимал ружье, сестра прошептала: «Нет, Ники. Пожалуйста, не надо. Нам больше не нужно».

— Ладно,— сказал Ник.— Хочешь подстрелить его сама?

— Нет, Ники. Нет.

Ник пробрался в ивовые заросли, поднял трех тетеревов, ударил их головами о приклад и положил рядом на мох. Сестра потрогала птиц, теплых, полногрудых, с великолепным оперением.

— Подожди. Вот попробуешь их на вкус,— сказал Ник. Он был очень доволен.

— Теперь мне их жалко,— сказала сестра.— Они, так же как и мы, наслаждались утром.

Она посмотрела на сидевшего на дереве тетерева.

— У него действительно глуповатый вид,— сказала она.

— В это время года индейцы называют их глупыми курами. Потом, когда на них начинается охота, они становятся умнее.

— Хорошо бы он поумнел,— сказала сестра.— Скажи ему, чтобы он улетел, Ники.

— Скажи ты.

— Тетерев, улетай.

Тетерев не шелухнулся.

Ник поднял винтовку, и тетерев перевел взгляд на него. Ник понимал, что, подстрелив его, огорчит сестру, и он зацокал языком и зачмокал губами, имитируя шум вспорхнувшего из укрытия тетерева, и птица удивленно уставилась на него.

— Лучше оставим его в покое,— сказал Ник.

— Извини, Ники,— сказала сестра,— он действительно глуп.

Они сели под одним из кедров, и Ник вскрыл птиц, вынул теплые внутренности, нащупал съедобные части потрохов и ополоснул их в ручье. Очистив птиц, Ник пригладил перья, завернул их в листья папоротника и положил в мешок из-под муки. Мешок он перевязал леской и, перекинув его через плечо, вернулся к ручью, выбросил в воду внутренности, а потом один за другим бросил несколько ярких кусочков легкого, чтобы посмотреть, как клюют, поднимаясь из стремительного бурлящего потока, форель.

— Прекрасная была бы наживка,— сказал он.— Наша форель пока еще в ручье, понадобится — мы ее добудем.

— Будь этот ручей поближе к дому, мы бы с тобой разбогатели,— сказала сестра.

— Тогда бы в нем не осталось рыбы. Это последний по-настоящему дикий ручей. Правда, есть еще один в ужасной глуши, в нижней части озера. Но сюда я никогда никого не приводил.

— Кто-нибудь еще знает о нем?

— Не думаю.

— Никто-никто?

— Нет. Индейцы ловили здесь рыбу. Но они ушли, когда перестали заготавливать кору болиголова и сняли свои стоянки.

— А сын Эванса знает?

— Только не он, — сказал Ник. Но потом он задумался и почувствовал тошноту. Он представил себе сына Эванса.

— О чем ты думаешь, Ники?

— Ни о чем.

— Нет, ты думал. Скажи. Мы же товарищи.

— Он может знать, — сказал Ник. — Будь он проклят, но он может знать.

— Но ты не уверен?

— Нет. В том-то и дело. Если бы я знал точно, мы ушли бы дальше.

— Может быть, он уже в лагере?

— Не говори так. Хочешь его накликать?

— Нет, — сказала она. — Пожалуйста, Ники, прости, что я заговорила о нем.

— Ничего, — сказал Ник. — Так даже лучше. Я все равно думал об этом. Но забыл ненадолго. Я должен научиться заботиться обо всем.

— Ты и так обо всем заботился.

— Это совсем другое.

— Все равно пойдем за ягодами, — сказала сестра. — Ведь мы уже ничего не исправим.

— Нет, — сказал Ник. — Мы наберем ягод и вернемся в лагерь.

Но теперь Ник не мог отделаться от этой мысли. Он не должен паниковать. Ничего не изменилось с тех пор, как он решил уйти сюда. Пусть все утихнет. Сын Эванса, конечно, мог выследить его и раньше. Но это вряд ли. Он не сомневался, что никто не ловил рыбу в этом ручье. Правда, сыну Эванса наплевать на рыбную ловлю.

— Этот подонки только и может, что следить за мной, — сказал он.

— Я знаю, Ники.

— Уже трижды он доставлял нам неприятности.

— Я знаю, Ники. Но ведь ты не убьешь его?

Вот почему она здесь, подумал Ник. При ней я этого не сделаю.

— Если ты не убьешь его, все обойдется,— сказала сестра.— Все пройдет и уляжется.

— Вернемся в лагерь,— сказал Ник.

— Без ягод?

— Наберем их в другой раз.

— У тебя сдают нервы, Ники?

— Да. Извини.

— Но что это даст?

— Быстрее все выясним.

— Может быть, пойдем дальше, как будто ничего не случилось?

— В другой раз. Я не боюсь, малышка. И тебе нечего бояться. Но мне почему-то очень беспокойно.

Обратно они пошли напрямик по краю леса, укрываясь в тени больших деревьев. К лагерю они приближались очень осторожно. Ник с винтовкой шел впереди. В лагерь никто не навдывался.

— Подожди здесь,— сказал Ник сестре.— Я посмотрю вокруг.

Он оставил в лагере мешок с тетеревами и судки для ягод и пошел вверх по течению ручья. Отойдя подальше, он высыпал из магазина дробь двадцать второго калибра и снова зарядил продолговатые винтовочные патроны. Я не убью его, подумал он, но так надежнее. От тщательно осмотрел все вокруг, никого не обнаружил, прошел еще немного вниз по течению ручья и вернулся в лагерь.

— Прости меня, малышка, я перенервничал,— сказал он.

— Теперь и мне беспокойно,— сказала она.

— Не волнуйся. Ничего не случилось.

— Его еще нет, а он уже помешал нам собирать ягоды.

— Знаю. Но его здесь не было. Может быть он никогда не был на этом ручье. Может быть, мы его больше не увидим... Ночью он сюда не проберется. В темноте ему не пройти через болото. Рано утром и вечером в темноте мы можем ничего не опасаться. Нам придется выходить только ночью, как оленям. Днем будем отсиживаться.

— Может быть, он вообще не придет.

— Конечно. Скорее всего.

— Но я останусь с тобой, можно?

— Я должен отправить тебя домой.

— Нет. Пожалуйста, Ники. Тогда ты убьешь его.

— Послушай, малышка. Забудь это слово и запомни: я никогда не говорил этого. Никто никого не собирался убивать.

- Правда?
- Правда.
- Я так рада.
- И радоваться нечему. Никто не говорил об убийстве.
- Ладно. Я об этом не говорила и даже не думала.
- Я тоже.
- Конечно, нет.
- Мне это и в голову не приходило.
- Нет, подумал он. Ты никогда не думал об этом. Только один день и одну ночь. Но в ее присутствии нельзя даже думать, потому что она все чувствует, и она твоя сестра, и вы любите друг друга...

**В СЕРИИ БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» В 1980 ГОДУ
ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:**

1. А. МАРКОВ. Звездопад. Стихи.
2. А. АЛЕКСИН. Раздел имущества. Повести.
3. Ф. АЛИЕВА. Легенда. Стихи.
4. Б. КУЛИКОВ. Облава. Повесть.
5. Н. ШУМАКОВ. Не разлюблю тебя. Стихи.
6. А. ЛИХАНОВ. Солнечное затмение. Повесть.
7. М. БСИСУ. Стихи на оконном стекле.
8. Қ. ВАНШЕНҚИН. Городской мотив. Стихи.
9. Н. ВЕРИНА. Судьбы наши. Очерки.
10. Ю. КОРНИЛОВ. Под крышей, на которой живет Карлсон.
Статьи.
11. П. ФЕДОРОВ. На побывке. Рассказы.
12. Л. УВАРОВА. Последний пассажир. Рассказы.
13. С. ЗАЛЫГИН. Наши лошади. Повесть.
14. Н. СКАТОВ. Русские поэты природы. Очерки.
15. Б. СОПЕЛЬНЯК. Последний бросок. Рассказы.
16. П. БОГДАНОВ, А. КРАВЦОВ. Память. Стихи.
17. В. ЕНИШЕРЛОВ. Дань памяти. Очерки.
18. Я. КИСЕЛЕВ. Судебные были. Очерки.
19. А. ГВОЗДЕВА. Диалог с совестью. Статьи.
20. Н. СТАРШИНОВ. Первый утренник. Стихи.
21. А. КОНАН-ДОЙЛЬ. Мастер из Кроксли. Повесть и рассказ.
22. М. АЛЕКСАНДРОВ. Люди как люди. Очерки.
23. Н. ВЕЛЕХОВА. Артисты. Очерки.
24. Р. ГАМЗАТОВ. Горские элегии. Стихи.

-
25. Г. ВИННИКОВА. «Аннибаловская клятва» Тургенева. Очерк.
  26. Е. ШЕВЕЛЕВА. Тридцать первый шаг. Рассказы.
  27. Г. ГУЛИА. Смерть артиста. Рассказы.
  28. В. ШУГАЕВ. Бирюзовые, золоты колечки. Рассказы.
  29. А. ГАВРИЛОВ. И вечностью наполнен миг... Статьи.
  30. Л. ЛЕВЧЕВ. Заклинание. Стихи.
  31. Е. ПЕРМЯК. Черемуха в снегу. Рассказы.
  32. А. АРЗУМАНЯН. Арарат — бесподобен. Очерки.
  33. В. КАССИС. Пекинские оборотни. Статьи.
  34. К. ПРИЙМА. Слово о «Тихом Доне». Статьи.
  35. Л. ЩИПАХИНА. Праздник солнца. Стихи.
  36. В. ПОВОЛЯЕВ. На море видимость — ноль. Рассказы.
  37. Ю. ЖУКОВ. Истоки. Статьи.
  38. А. АНАНЬЕВ. Напоминание старых истин. Очерки.
  39. В. МИТРОШЕНКОВ. Млечный круг. Очерки.
  40. В. ПИМЕНОВ. Жизнь в искусстве. Мемуары.
  41. В. ЖУКОВ. Позывные сердца. Стихи.
  42. А. ЩЕРБАКОВ. Современная должность. Статьи.
  43. В. КОЖЕВНИКОВ. Поле жизни. Рассказы.
  44. Дм. МОЛДАВСКИЙ. Притяжение сказки. Очерки.
  45. Р. ЕРМОЛЬЕВА. Заманиха. Рассказы.
  46. Раздумье об Индии. Сборник стихов.
  47. Н. КУЗЬМИН. Короткий миг удачи. Повесть.
  48. С. БОРЗУНОВ. Корень жизни. Очерк.
  49. В. ГОРБАЧЕВ. Зов жизни. Статьи.
  50. П. АБРАСИМОВ. Чрезвычайный и полномочный. Записки дипломата.
  51. И. ТОБОЛЬСКИЙ. Тревога. Стихи.
  52. Э. ХЕМИНГУЭЙ. В Черном лесу. Рассказы, очерки, фельетоны.
-

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Виктор Погостин.</i> Хемингуэй — журналист . . . :	3
<i>Теодор Брамбэк.</i> С Хемингуэем до романа «Прощай, оружие!» . . . . . :	7

Рассказы, очерки, фельетоны

Картины переходят из рук в руки — новое представление о высоком искусстве в Торонто . . .	12
Дикий Запад перебрался в Чикаго	13
Замораживание средств нам не угрожает	15
Мэр — болельщик	17
Дамы Торонто рукоплескали бойне	18
Путеводитель для отпускников	21
О свадебных подарках	23
Ветеран приезжает на места бывших боев	26
Горячая ванна в Генуе — рискованное предприятие	30
В Черном лесу	32
Древний Констан	35
Сказка о хорошем льве	37
О писательстве	40
Последнее хорошее место	46

Эрнест ХЕМИНГУЭЙ В ЧЕРНОМ ЛЕСУ

Редактор Ю. С. Новиков.

Технический редактор Е. Н. Щукина.

Сдано в набор 13.11.80. Подписано к печати 22.01.81. А 00320.
 Формат 70×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Новогазетная».
 Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Учетно-изд. л. 3,79.
 Тираж 100 000 экз. Изд. № 310. Зак. № 3312. Цена 25 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
 газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137,
 ул. «Правды», 24.